

Г. НИКУЛИН

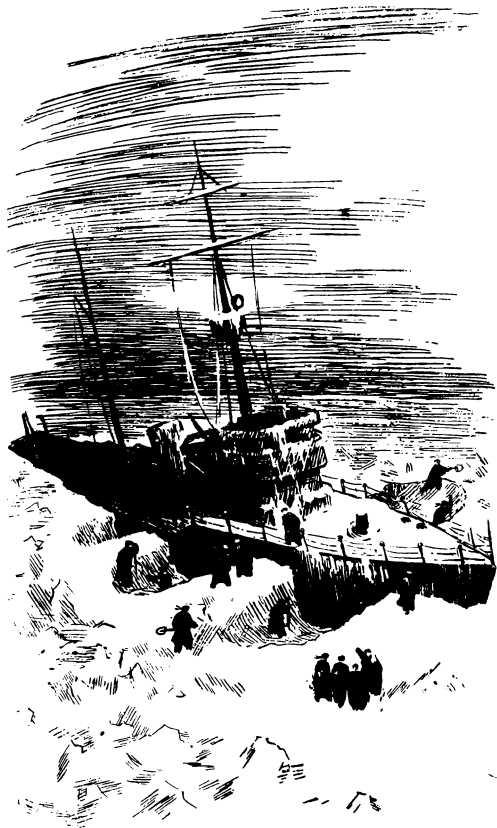
РАССКАЗЫ
СТАРШИНЫ
ФЛОТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

26 нон.

Г. НИКУЛИН

РАССКАЗЫ
СТАРШИНЫ
ФЛОТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
Ленинград
1970

Север. Суровый океан, скалистые острова, где даже снег не задерживается. «Как тут только медведи живут», — удивляются матросы, прибывшие сюда по заданию командования в 1942 году. Но здесь тот же фронт, за каждым островом прячется враг, за каждой волной перископ, за каждым вершком горизонта — дымки вражеских кораблей и точки самолетов.

Рисунки
Т. Ксенофонтова

ОБЫКНОВЕННОЕ НАЧАЛО

В давние времена берега северных морей, возможно, не были такими неудобными.

Черные голые скалы, ни кустика, ни травинки, ни одного живого существа кругом; волны бьют в берег, а ветер свистит и сечет лицо. Так выглядит южный берег заполярной земли, словно бы и не прожила земля миллионы лет.

Время военное, командование решило для укрепления морского оборонительного района поставить на черные скалы «точку».

Старшина первой статьи Архип Иванович Лукошин получил назначение в район новой «точки».

Корабль, на котором — как говорят по-морскому — «пошел» Архип Иванович, раньше был обыкновенным рыболовным тральщиком. Тогда на нем даже от компаса пахло треской, а теперь этот запах выветрился. Корабль сиял чистотой, вооружился и стал боевой единицей: ходил в дозоре, конвоировал грузовые транспорты, а сейчас должен был доставить на место две береговые батареи.

По мирному времени, людей, направленных на «точку», называли бы зимовщиками, хлопот было бы с ними — хоть отбавляй. Известно, какие требования предъявлялись к зимовщикам; мало одного желания поехать! По здоровью врачи отбирали людей с большими придирами, только самых крепких. Тот всем хорош, да зубы у него неважные. Этому глаза могут подвести, у третьего еще что-нибудь найдут, и так без конца!

Надо быть доктором, чтобы придумать столько причин не пустить человека в Заполярье. И врачи по-своему были правы: если в зимовке заболит человек, так попробуй его доставить оттуда на «Большую землю».

Запастись на год продуктов (одного шоколаду сколько ящиков) и обставить зимовку так, чтобы можно было прожить в тепле, — тоже не легкое дело. В мирное время пятерых провожали человек пятьдесят.

В войну было не до больших сборов. Среди моряков выбор прост — все крепкие, как на подбор, а добровольцев больше чем нужно.

Грузами заполнили трюм и палубу. Вдоль бортов лежат пушечные стволы, как телеграфные столбы. Всюду люди и вещи — теснота! А тут еще по трапу закатывают на корабль большие пустые бочки.

Старший помощник командира, который наблюдал за погрузкой, даже рассердился:

— Это еще что! Зачем бочки? — закричал он.

— Для воды... инвентарное имущество не могу бросить, и чистая бочка для воды — совершенно необходимая вещь, — ответил Архип Иванович.

Отправился тральщик. Перед самыми заморозками подошел к черному берегу. Кораблю очень опасно такое плавание: того и гляди, — сомкнутся льды, и обратно не выйдешь.

Быстро выгрузили одну батарею. Немного отошли и высадили вторую. Народу человек сорок, пушки, боеприпасы, оборудование, продукты — гора имущества, и все лишь самое необходимое.

Пушки и снаряды переправляли на понтонах, бревна выбросили в воду — они не утонут, а продукты, приборы, винтовки и инструменты перевозили на берег в шлюпках.

Как разложили все на суше, так сам тральщик оказался маленьким рядом с грудой вещей.

Едва вернулась с берега последняя шлюпка,— тральщик поднял якорь и ушел.

Таскали моряки свой багаж день или два — поди разберись, когда тут круглые сутки — полярная ночь. Со второй партией на берег попал Архип Иванович.

— Ну и сторонка, — вздохнул он, — как только тут медведи живут?

— Живут ли! — ответил ему комендор Васильев. — Медведь носу сюда не кажет: ему здесь шкуру ветром истреплет, и с голоду он околеет.

Сказал это Васильев, запахнул свою шинельку, взял сухарь из мешка и пошел работать.

Действовать надо расторопно. Каждую минуту будь готов к бою; подойдет вражеский корабль, — всех может взять голыми руками.

Но недаром говорят, что моряки все умеют делать. А если не умеет кто, — товарищи научат. Будет сделано добротнo, по-матросски. Другие, может быть, всю жизнь не брали топора, а нашелся один плотник, показал — и все затюкали топорами.

Любой кусок дерева, словно крем — глазурью, облеплен примерзшим снегом. Сколько времени надо, чтобы его очистить от ледяной корки! Пальцы плохо гнутся, ничего не чувствуют. Хватишься за железо — ладонь к железу прилипает.

Для начала объявили аврал по подъему на скалы всего имущества. На тральщик грузили кранами, а теперь переносить тяжести надо на руках. Тянули пушки в крутую гору, помогая плечом и локтями, таскали бревна.

Легко сказать — снести бревно, когда оно скользит; иное не под силу и четверым. Бревен не одна сотня, и одно толще другого, а нести километр по такой дороге, что на каждом шагу либо споткнешься о кочку, либо застрянет нога между острыми камнями. Споткнется один — остальные потеряют равновесие, и всех покалечит тяжеленное бревно.

Когда с бревнами было покончено, устроили перекур и разделились на партии. Одним строить основания для пушек и орудийные дворики, чтобы можно было бой принять, другим строить казарму, третьим — камбуз.

Куда матроса ни посади — хоть на Северный полюс, — он про льдину скажет «палуба», лестницу назо-

вет трапом; землянку, выстроенную под кухню, будет звать камбузом, а повара — коком.

Сколько времени трудились, — по часам не отсчитывали. В работе прошло не меньше суток, когда прозвучал отбой.

На первую ночь поставили большую палатку, в ней печку железную, и все собрались в кружок. Тут командир батареи, офицеры, матросы. Снаружи только часовые стоят.

В палатке мало-мальски тепло, и, теснясь у печки, можно подсушиться. От снега, от пота, а то и просто от морской водички, которой хватило при выгрузке, одежда и обувь мокрые насквозь. От шинелей пар валит, теснота в палатке страшная, но на улицу выйти никому не охота. Стóбит прислониться к стенке палатки — сразу почувствуешь, как ветер снаружи давит на спину, да и снег заносит внутрь порою до самой печки.

Всех мучила жажда. Кто кружку, кто котелок поставил на печку. Пресной воды в первый день не запасли, морскую воду пить не будешь, — так снег плавил. Снегу тоже поищешь. Не держится он на берегу: ветром сдувает. Только у камней кое-где образуются маленькие наносы — можно зачерпнуть кружкой.

— Эх, сторонка! Даже снегу на нашу долю нет, — сказал вдруг молодой матрос, по фамилии Бордюжа.

Служил Бордюжа первый год. Был он разочарован. Эта работа так не походила на службу на корабле или хотя бы на береговой батарее! Там можно с достоинством стоять на посту наблюдателя, с винтовкой и с биноклем на коротком ремне, удобно висящем на груди.

«Кто мы такие? Те же рабочие», — думал Бордюжа.

Архипу Ивановичу не понравились слова молодого матроса.

— Этот разговор похож на нытье, — сказал он. — Удивительное дело, доложу я вам, молодым всегда чего-нибудь не хватает. В первые дни пайка мало, потом, видите ли, снега ему недостает.

Моряки рассмеялись, улыбнулся командир батареи и позвал:

— Матрос Бордюжа!

Бордюжа встал, как полагается перед командиром, а комбат уже серьезно приказывает:

— Завтра назначаю вас на маскировку казармы.

Будете обсыпать снегом. Чтобы снегу было достаточно и распределялся бы он равномерно со всех сторон.

— Есть. Обсыпать снегом казарму равномерно со всех сторон, — повторил приказание Бордюжа и сел. Сидит и моргает.

Где казарма? Нет ее. Где снег взять? Ничего парень не понимает, а спросить боится, как бы опять не засмеяли. Неужели придется из всех окрестных ямок снег по лопаточке таскать! Такую работу за неделю не кончишь.

А командир вслед за тем обращается к комендору Васильеву:

— В один день необходимо начать и закончить постройку казармы, пригородить сбоку камбуз; в казарме установить нары и печку. Выделяю в ваше распоряжение Бордюжу и еще пять человек.

— Есть, — отозвался комендор.

Бордюжа даже обрадовался: поручение Васильеву посложнее досталось.

— Это тебе не то, что в сказке в один день дворец построить, — сказал комендор Бордюже. — Я еще ни разу не слышал, чтобы сказочные дворцы были с обстановкой и отоплением, да еще снегом обложены.

— Снег-то, снег где я буду брать? — спросил Бордюжа.

— Милбй, на улице рот откроешь, так и то снегом заметет. Твой материал в воздухе летает тучами, только нужно уметь его взять.

Архип Иванович дал Васильеву свои указания.

— На стойки возьмешь бруски, стены изнутри обощешь фанерой, а снаружи каркас обложишь камнями, а потом льдинами.

На другой день Бордюжа работал и удивлялся, — как легко все получается! Только поставили стену, к ней уже намело бугор снега. Они с Петровым носят лед и камни, а ветер помогает им, забивает все щели снегом.

Бордюжа старался, чтобы Васильев был доволен его работой, а Васильев говорит:

— Ты свою задачу выполняешь плохо.

Бордюжа даже удивился.

— Приказано равномерно со всех сторон обсыпать снегом, а у тебя с одной стороны много, а с другой — нет ничего. Выходит, где пусто, где густо.

Пришлось Бордюже подсыпать снег на подветренную сторону. Он сыплет, а ветром выдувает. Совсем дело не двигается.

— Эх ты, строитель! — сказал Архип Иванович. — Ты поставь загородку так, чтобы ветер сам заносил снег к стене. А ты его в это время водичкой побрызгавай.

После этого дело пошло на лад. К вечеру была готова казарма, наполовину из снега, наполовину из фанеры. И нары были сделаны. Пришли с работы, а в помещении печка топится, на столе — горячий суп. Поели и выспаться можно. Не так, как в первую-то ночь, когда жались вокруг печурки. Сидя-то не очень поспишь. А под крышей и на Северном полюсе жить можно.

— Бордюжа! — позвал командир батареи. — Ваша задача выполнена не до конца. Казарма сейчас торчит снежным бугром; ее нужно замаскировать таким образом, чтобы она сливалась с местностью. Наложите на снег кучки камней. Сделайте мне из казармы снежную булку с изюмом: подгоняйте под окружающий фон, чтобы ее в десяти шагах не было видно. В помощь вам назначаю Петрова.

С того дня Бордюжа и Петров неожиданно для себя превратились в маскировщиков.

Покончили с казармой, и пришлось им ломать голову над тем, как сделать невидимыми врагу другие постройки и — самое главное — батарею.

Даже во время работы нужно было следить, чтобы не были разбросаны инструменты и материалы. Вражеский разведчик, пролетая мимо, сфотографирует местность и по одной куче мусора, по разбросанным лопатам сразу обнаружит новую укрепленную «точку».

Работа подвигалась медленно. Кто орудийные дворики строит — тем мерзлую землю наравне со скалой приходится брать взрывом. С раннего утра работают люди, как муравьи: брустверы насыпают, укладывают основания для орудий, строят погреба для боезапаса, склады для имущества, окопы копают. В конце концов повару не все время готовить пищу в палатке, да и командный пункт нужно. А Бордюжа и Петров должны над всеми держать шапку-невидимку.

Кажется, все уже есть, так нет, извольте строить еще

запасную казарму. Бордюжа возмущался про себя лишней работой, а Васильев его успокоил:

— Ты думаешь, — напрасно это? Нет, дорогой, если нашу единственную казарму разобьют снарядом или бомбой, куда мы денемся? Тем более, что во время боя постройкой некогда заниматься.

Так на голой скале началась жизнь.

Снег покрыл землю по-зимнему, но не так, чтобы выпал за одну ночь, а постепенно намерз на камни. Батарея готова к действию, но ни с моря, ни с воздуха ее не заметно.

— Ну вот что, Бордюжа! — сказал командир батареи. — Пока связь не налажена, одним духом слетай к Иванову, спроси, не надо ли чем-нибудь помочь.

Иванов был командиром батареи, которая находилась километрах в десяти, по другую сторону залива. Если кругом залива идти, так наберется километров шестнадцать. Но залив застыл надежно, и по льду пройти, конечно, ближе.

Дали Бордюже лыжи и ручной компас и сказали, чтобы держал все время на юго-запад.

— Как перейдешь залив, поднимешься в гору. Будет овраг, а за ним опять высота. Оттуда уже должно быть видно Иванова. Если начнется пурга, — сразу возвращайся сюда или к ним, куда будет ближе. Иди все время по компасу. Понял? — спросил комбат.

— Понял, — ответил Бордюжа и отправился.

Добрался Бордюжа до залива, топнул раз, другой в твердый лед и решил, что лыжи будут ему лишней обузой: только ноги разъезжаются.

Спрятал он лыжи в приметном месте и двинулся дальше налегке. Шел он сначала посвистывая. Ворот шинели расстегнул, пинал ледяшки и комки снега, совсем как мальчишка, возвращаясь из школы.

Взобрался Бордюжа на торосы, посмотрел на свою батарею, а ее не видно.

«Вот так штука! С батареи сколько раз залив рассматривали, а отсюда ничего не разглядишь. Недаром мы маскировку делали», — подумал он, похвалив себя.

Вспыхнуло северное сияние. Бордюжа с любопытством смотрел на небо. Было похоже, что смотришь на светлое облако через волнистое и рябое стекло, от этого свет расслоился и расходится иглами.

Пошел Бордюжа дальше уже медленнее. Обошел гряду торосов, вышел на берег. Спустился в овраг, перешел его, а там другой, да еще третий овраг. А дальше ни высоты, ничего не видно. Да и на карте с этого места начиналось «белое пятно» и тянулось неизвестно куда.

Достал Бордюжа компас, покрутил его в руках, нашел направление и пошел дальше.

Идти по снегу тяжело. Где с обрыва не знаешь как спуститься, а где совсем подняться невозможно. По ровному месту и то с камня на камень чуть не ползком нужно пробираться. Устал Бордюжа, стало ему жарко, и решил он отдохнуть.

Стоит минуту посидеть в Заполярье, как ветром тебя так продует, словно ты всю жизнь теплого угла не видал. А Бордюжа уселся, конечно, на самом ветру. Шапку снял и держит в руке. Минуты через две вскочил он и нахлобучил настывшую шапку. Тут уж не прокладаться надо, а согреться как-нибудь.

Хватился Бордюжа за карман — нету компаса. И сразу ему вспомнились десятки рассказов, как замерзают люди, сбившиеся с пути. Вспомнилось «белое пятно» на карте. Суждено, значит, ему увязнуть здесь навсегда!.. И побежал Бордюжа...

* * *

Архип Иванович увидел Бордюжу, когда тот спускался на лед, и подумал, что зря комбат посылает одного человека, тем более молодого. Случись с ним что-нибудь — заблудится или ногу вывихнет — ну и замерзнет.

Самого Архипа Ивановича послали на поиски дров и для изучения трассы будущей линии связи. Отдыхая, он покуривал в укромном местечке под скалой, где его совсем не прохватывало ветром.

Покурил старшина и решил пойти берегом навстречу Бордюже, пересекающему залив. На глаза ему Архип Иванович попасть не хотел, а пошел скрытно, отмечая по пути, где удобнее проложить телефонную линию.

Идет Архип Иванович по следам Бордюжи и видит, что тот немного влево отклонился, потом опять вправо пошел. Сразу видно, не уверен человек в направлении. Петляя так, он свой путь удлинит раза в четыре.

«А идет-то как быстро! Да еще бегом, бегом! Ну, значит, скоро выбьется из сил», — подумал Архип Иванович.

Бордюжа тем временем совсем перепугался. Бежит, задыхается, шапку потерял и не замечает. Пот с него льется градом.

«Ну вот, — подумал старшина, — и готов человек, через полчаса замерзнет. А нет, смотри-ка! взял направление в расположение Иванова!»

Архип Иванович шапку подобрал и продолжал идти за молодым моряком, но Бордюжа не показывался, потому что рассуждал так: «Выйди я, человек сразу бросится ко мне и больше от меня не отстанет ни на шаг. Куда я, туда и он пойдет. Никогда уж этот человек не научится самостоятельно находить дорогу. И у него надолго, может быть на всю жизнь, останется страх перед тундрой. А кто боится заблудиться, — наверняка закружит вокруг сосны, лесу не видя. Погибнет или нет, а толку от такого посыльного будет мало».

Архип Иванович вышел на горку уже в виду батареи Иванова, а Бордюжа все еще путается за горой. Проваливается меж камней, руками сунется в снег, едва-едва встанет и опять валится через два шага. Вот уселся в ямку, колени поднял к подбородку и старается голову втянуть в воротник шинели.

«Это у самой-то батареи! Да хотя бы, чудак, поднялся на горку», — подумал Архип Иванович и закричал:

— О-го-го-го! Эгей-гей-гей-гей! — А сам лежит за камнем.

Бордюжа услышал голос, вскарабкался на бугор и увидел батарею Иванова.

Тут его сразу схватил озноб, да такой, что зуб на зуб не попадет. Шапки нет. Уши что ледяшки. Неудобно в таком виде являться к соседям.

Вдруг Архип Иванович выходит ему навстречу:

— Стой! Кто идет? О! Да это Бордюжа! Откуда ты?

— Комбат к Иванову послал.

— А где же твои лыжи, где шапка? Ты что, казенное имущество растерял?

— Лыжи у меня спрятаны надежно, а вот шапку ветром сорвало.

— Не твоя ли это ушанка? На! Да чтобы не сду-

вало, носи без нарушения формы одежды: тесемки завязывай на подбородке.

Сильно расстроился Бордюжа, но быстро в себя пришел и показывает Архипу Ивановичу на батарею Иванова:

— Смотрите, как они плохо замаскировались!

— Ну, ну! Иди поучи их, — одобрил Архип Иванович и посоветовал: — Ты сегодня обратно-то не возвращайся. Пока туда идешь да разговариваешь, так запоздаешь. Я командиру доложу, что ты занялся маскировкой и завтра вернешься. Дорогу-то хорошо знаешь?

— Теперь найду, — ответил Бордюжа.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

За девять месяцев зимовки возле батареи вырос целый поселок — четыре жилых землянки и в пятой — баня.

Окошечки в землянках маленькие, вровень с завалинкой из камней. Но на окне возле койки Архипа Ивановича появился в банке цветок.

Закуривая, наводчик Перегонов нашел в махорке неизвестное зернышко и показал его старшине. Тот наковырял подо льдом пригоршню земли и посадил зернышко. Стали поливать — стало что-то расти, но что это, — определить не удавалось, и возле банки в свободные минуты собирались кучей.

— Ну, чего не видали-то? — спрашивал иногда Архип Иванович.

— То и не видали, что по всей окрестности больше посмотреть не на что, — отвечали ему, и были правы.

— Это трехцветная фиалка — «анютины глазки», — сообщил Перегонов, улыбаясь над крохотным росточком.

— Сельдерей! — воскликнул повар.

— Вот потеплеет — и цветок распустится. Тогда все

станет ясно, и высажу я его на вольный воздух, — сказал Архип Иванович.

— Нельзя, товарищ старшина, — маскировку нарушите, — возразил Бордюжа и рассмеялся вместе со всеми.

После «сельдерей» Перегонов так посматривал на кока, что тот, желая загладить свою неучтивость, предложил:

— Пожалуйте цветок ко мне в столовую для лучшего ухода и всеобщего обозрения.

— Заморозит или закоптит, — сказал Перегонов. — Чего можно ждать от человека с такой фамилией — Пуговкин! От слова «пуговка» — явно не съедобное. Не коком бы тебе родиться. Вот у нас был кок, сразу видно — талант: по фамилии Варивода!

Посмеялись, но решили отдать цветок коку для озеленения столовой. Отдали и сказали:

— Отвечаешь как за тысячу борщей!

С тех пор за обедом и ужином шли толки о цветке. Появился один зеленый росточек — захотелось большего, и кокуговорили:

— Давно бы сколотил ящик да посеял бы овса или проса.

— Овсом не кормлю, а просо — что просо! Разве поэтично — просовый сад!

С каждым днем все чаще в этот район стал залетать вражеский разведчик. Пролетит над морем, так что не заметишь его, и выскочит вдруг над самыми пушками. Разведчик обшаривал побережье, хотелось ему выяснить — кто наследил на берегу? Кто натоптал тропки? Рыбаки или тут появилась воинская часть?

Не удалось ему ничего обнаружить, но зато командиру батареи это показало, что противник стал активнее. Однако вражеских кораблей все нет и нет.

Заскучали моряки, казалось, — напрасно приняли столько тяжелой работы, напрасно сидели в засаде. Только Перегонов оставался невозмутимым и каждый день проверял, как зеленый росток разделяется надвое и начинает образовываться стебелек.

Море сбросило лед, и повис над мерной зыбью круглосуточный полярный день: пусто на море, пусто в воздухе, если не считать редких чаек и одиноких тюленей. Снег сходит, все изменилось кругом, но скоро изменится

еще больше: заскрипят караваны гусей, заселятся птичьи базары и потянутся мимо безлюдных скал вереницы транспортов.

Вышел Архип Иванович на улицу и обрадовался:
— Дождь идет!

Мелкий просеянный дождь был неразличим глазом, но по проводам телефонной связи, в сером воздухе, бежали крупные, веселые и блестящие капли воды. Их движение на провисшем проводе напоминало веселую игру. Догоняя друг друга, набухая все больше и больше, капли грузно отрывались и падали вниз.

Не велик дождь, но все равно погода нелетная. Архип Иванович решил топить баню, кок хотел напечь оладий, но Бордюжа предупредил:

— Ничего из этого не выйдет, — небо скоро прояснится.

Сказал и словно накаркал. Действительно, вскоре видимость значительно улучшилась, и тут прямым курсом на черные скалы пришел неизвестный корабль.

Сыграли боевую трэвогу. Через несколько секунд — все на местах. Кок махнул рукой на оставшееся тесто, залил огонь в топке, нахлобучил стальную каску и бегом пустился ко второму орудиному расчету.

Только развернулся корабль бортом к берегу, — наблюдатель по профилю сразу определил фашистский рейдер. Надеясь на свою быстроходность, в одиночку прогуливались такие крейсера вдоль берегов и разбойничали по мере сил. Этот тоже думал угнездиться за мысом и внезапно налетать на караваны судов.

Наводчики у орудия не выпускают врага из прицельной панорамы, жерла пушек неизменно следуют за ним; дальномерщики по телефону все время передают дистанцию. Тишина над пустынным берегом нарушалась иногда только криками чаек.

Командир подпустил рейдер кабельтовых¹ на тридцать и еще что-то ждет. А рейдер движется в глубину залива.

Лишь вышел он на сектор обстрела батареи Иванова, уточнили наводку — и раздалась долгожданная команда:

— О-гоны!

¹ Кабельтов — 180 метров.

Тут словно раскололись утесы. С двух сторон враз ударили береговые орудия. За громом — опять тишина, и только слышно, как шуршат в воздухе тяжелые снаряды.

Позади крейсера от разрывов встали толстые водяные столбы — значит, перелет!

Новый залп — разрывы по эту сторону скрывают крейсер. Значит, — недолет! Ура! Попал крейсер в вилку, сейчас его начнут крошить беглым огнем.

Снаряды тяжелые, толстые и блестящие от масла. Такой на руках не поднести и не поднять, чтобы в пушку заложить, и кок подвозит снаряды на тележке по рельсам.

Стоит Пуговкин в каземате с нагруженной тележкой, весь напряжен, как пружина, и следит за Перегоновым. Была команда «огонь», и вечностью кажется секунда, пока тот досылает ствол орудия, уточняя по прицелу. Вот он махнул стреляющему, и кок кричит:

— Вперед!

Голоса Пуговкина не слышно за гулом выстрела, но его понимает напарник. Рывком они выталкивают тележку из каземата, дальше кок один летит через открытый дворик, и едва успевает ствол откатиться на прежнее место, — в тот же миг новый снаряд перед пушкой.

После первых выстрелов рейдер пытается отвечать. Залпы дает всем бортом.

Осколки воют в воздухе. Чуть слышно звякнул металл, и покачнулся Перегонов. Осколок скользнул по каске, а ему показалось, словно колоколом ударили по голове.

От наших снарядов трещат палубные надстройки, вода кипит кругом крейсера. И вдруг нет столбов, нет разрывов. Несколько секунд корректировщик молчит, потом передает: «Попадание ниже ватерлинии».

Разом полыхнуло по кораблю пламя в трех местах. А следом за тем в самой середине его раздался взрыв и клубами вскинулся к небу черный дым.

— Блин! — воскликнул кок и, вытирая пот с побледневшего лица, повернулся к Архипу Ивановичу.

— Решето! — откликнулся Архип Иванович.

Тут подоспела новая порция снарядов.

— Никогда бы не подумал, что в блестящем с виду корабле может быть столько сажки, — сказал наводчик

Перегонов и отвернулся. Будто сердце его не играет от радости, будто даже не интересно ему смотреть, как враг погружается в море.

Потом посмотрел Перегонов на кока и сказал:

— Молодец, Пуговкин!

— А ведь у тебя кровь на лбу, — заметил кок.

Фельдшер сделал перевязку и предложил идти отдыхать, но Перегонов остался стоять вахту до конца.

В бою и после боя каждый знает свое место. Орудийным расчетам не нужно рассказывать, как после стрельбы пробанить орудия и снова привести их в боевую готовность. Сетевую маскировку они сами поправят, а вот для засыпки воронок от вражеских снарядов приходится выделять сборную команду под началом Бордюжи.

Брустверы подправить Бордюже кажется делом законным, а воронки даже жалко засыпать: пусть бы виднелись вокруг батареи, как боевые рубцы. Да ничего не поделаешь — надо заровнять так, чтобы глазу не было заметно.

Пуговкин решил сделать оладьи с повидлом, чтобы отметить сегодняшний день. Добежал до камбуза, открыл двери в столовую, а там угол крыши сорван, потолок разворочен, стекла выбиты и консервная банка с цветком свалилась на столик.

По телефону командир батареи приказал, чтобы Бордюжу с его командой срочно направили на камбуз.

— Прямое попадание! Вот тебе и цветочек! — огорчился Перегонов, услышав, как передавали распоряжение.

— Черт-те что! — ворчал расстроенный наводчик. — Год стоишь, стреляешь пять минут... Хотя бы еще кто-нибудь подвернулся!

Вскоре вновь прибежал Бордюжа на батарею.

— Разрешите доложить! Открылись глазки!

— Значит, цел? — обрадовался Перегонов.

— Цел цветок, и один аютин глазок открылся!

К вечеру показались дымки и прошел мимо караван наших транспортов. Над ними летел самолет, по сторонам зигзагами шли большие охотники и тральщики.

Все выбежали наружу и с любопытством смотрели на проходившие корабли.

— Вовремя спровадили рейдер, — сказал фельдшер.

— Вот идут мимо, как будто так и надо. Ноль внимания на нас. Хотя бы погудел кто-нибудь, — добродушно проговорил Перегонов.

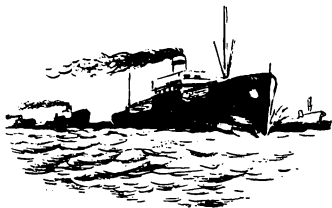
— Рад стараться! — крикнул Бордюжа, скорчив шутовскую мину.

— Да ты что! Словно тебя похвалили или отметили службу.

— Так точно! Раз не замечают, — значит, маскировщиков не в чем упрекнуть.

За ужином кок поставил банку с цветком на стол перед прибором Перегонова. Тот отодвинул цветок на середину стола, подчеркнув, что торжество относится ко всему отделению.

После схватки с вражеским кораблем товарищи с батареи Иванова решили, что поселок получил боевое крещение, и стали называть его «Боевым».

САЛЮТ ПЕРВОГО МАЯ

Наступило Первое мая. Мы решили встретить праздник на батарее Иванова в южном поселке. Звали товарищей к себе в гости, да они переспорили: у нас, говорят, сторона южнее и солнце горячее.

Погода майская, солнышко играет, снег под лыжами похрустывает. Его утренним морозцем прихватило. Идем наслаждаемся и загадываем: надолго ли хватит затишья.

Погода меняется часто. Засвищет поверху ветер — и зло ошестинится океан, будто зашевелится на нем обросшая пеной чешуя. А вот когда затихнет ветер, — сгладится вода вокруг и будто в полированную синюю оправу окажется вставленным наш драгоценный кусочек земли. Солнце плетет своими лучами искрящийся шелковый покров, и нежится океан на пригреве. Изредка, как мускул, перекатится под натянутым шелком могучий вал, будто океан вздохнет по ушедшей буре, и

опять покой и тишина. Тогда, откуда ни возьмись, среди бела дня, словно белорудые лебеди, приплывают льдины: ближе, ближе и вот это уже не просто льдины, а целые ледяные скалы.

Еще не сказал я, что земля наша была полуостровом. На школьной карте он даже не обозначен. На других картах в этом месте линия берега чуть выдалась вперед.

Перешеек давно волны точат, он стал узеньким и уменьшался на глазах: где берег был не скалистый, — льдом и волнами отрывало целые глыбы земли. Скоро мы окажемся на острове, если не укреплять берег.

С этой стороны полуострова море очистилось: ветром далеко угнало лед от берега, сияет гладкая вода. Архип Иванович идет по самому краю обрыва.

— Никогда еще первого мая не ходил на лыжах, — говорит он, а сам высматривает уток.

На воде всюду видны черные точки, словно мак рассыпан на голубом блюде. Только все утки плавают за выстрелом.

Скалы обледенели. Буран им нахлобучил снежные шапки, а внизу волны гулко плещут в ледяные пещеры.

Далеко до воды, и хочется заглянуть туда, вниз. Но попробуй зайти на край этого снегового наноса. Обломится он под твоими ногами — загремишь в море. Может быть, соскользнешь, не расшибься по пути, но уж не рассчитывай выбраться обратно; и во время прилива нет спасения: под ледяным карнизом волны забьют человека.

Заглядывается Архип Иванович на дичь и все время ищет лазейку, чтобы спуститься ниже. Я его предупреждаю:

— Берегись! Стóит раз поскользнуться — и уже не остановишься!

А он вдруг зовет меня:

— Смотри, какая большая утка плавает. Только где же у нее шея? Неужели спит и голову сложила под крыло? Тогда это черный лебедь! Черный лебедь — невиданное дело!

Стали мы присматриваться. Тюлень и то меньше. Нет, и не тюленья это голова: кругла очень. Тюлень нырнул бы разок или в сторону поплыл бы, как живому полагается. А это тело плывет напрямик к нам.

У Архипа Ивановича винтовка, у меня бинокль. Смотрю — круглая голова торчит, показывает рожки из моря и раскачивается, будто кивает нам.

Да это мина!

Дело неладное! Если мину о скалу стукнет возле склада, — не бывать складу. Как унесет прочь да где-нибудь корабль подорвется — еще того хуже: людей погубит. Куда она ни поплыви, всюду наделает беды.

— Видать, у этой минреп проржавел и штормом ее сорвало. Или тралом подрезали, да она не взорвалась, и ее не заметили. Верно я тебе говорю, — убеждал Архип Иванович.

— Скажи-ка лучше, — что делать будем?

— Буду из винтовки стрелять. Авось взорвется. Давай только ниже спустимся, а ее пусть ближе пригонит.

Архип Иванович передернул затвор и дослал патрон в ствол винтовки. Меня взяло сомнение. Мина подплывет ближе, старшина выстрелит — и взрывная волна захватит нас. Известно, как рвутся плавучие мины.

— Ничего не будет, — утешает меня Архип Иванович, а сам ползет все ближе и ближе к воде.

И верно, — ничего не было. Стрелял он, стрелял и говорит:

— Побегу за ручным пулеметом, а ты карауль. Не упускай ее из вида! Не бойся! Если мина лопнет, — я услышу.

Вот утешил товарищ! Если мина взорвется, еще не известно, уцелею ли я.

Черные рожки видны теперь без бинокля. Мокрая морда блестит, будто мина силится улыбнуться и раскрыть железную пасть. Можно уйти на высокий берег, — там, конечно, безопаснее, но мину оттуда не видать. Лопнет, того и гляди, а упустишь с глаз, — беда. Начнешь искать и наскочишь на нее в самый момент взрыва.

Мину отжало немного ветром в сторону, и я подвинулся за нею.

Тут крутой берег расщепился овражком, и в этом месте образовался удобный спуск к воде. По снежным буграм на дне оврага можно угадать огромные валуны. Некоторые камни из-под снега показывали твердые рыжие бока, а в море их насыпано видимо-невидимо. Здесь неглубоко, и о каждый камень может кокнуться

«горшочек». Волны с шумом перескакивают через камни, а мина только кланяется, будто решила с каждым поздороваться отдельно.

Мина качается, а сам я словно лечу с крутой горы. Вот так зрелище, — дух захватывает! На всякий случай я лег за камни.

Принес Архип Иванович ручной пулемет, дал очередь длиннущую, да на первый раз промазал. Поближе подполз, облокотился на розовый камень с черными жилками да как затарахтит!

Целый диск выпустил. А мина в ответ зашипела и потонула: пули продырявили ее, но ни одна не попала во взрыватель.

— Ну, теперь устроили мы дело, — сказал я тогда.

— Караулить надо, — отвечает Архип Иванович. — Будет отлив, и мина покажется наружу.

О празднике мы забыли. Сидим, смотрим на пустое море. Даже утки разлетелись. Скучно. А там, где-то на дне, рогатый шар с сюрпризом. Интересно, — катает его волнами или лежит он на месте? От этого зависит — взорвет мину или мы спокойно дождемся отлива.

Холодно сидеть-то. Как на лыжах идешь, так ничего, а сидишь без движения да на снегу, и еще ветром тебя продувает, — холодно.

Архип Иванович размышлял о прошлых годах. Вспоминает, где какие цветочки он видел в майские дни, как береза распускает лист.

Я заметил, что воспоминаний о коротком русском лете ему хватает на всю полярную зиму, да и на весь год и еще, я так думаю, хватит на много лет.

— На травке полежать хорошо, — говорит он, — и самоварчик можно взять на маевку. Самовар мы кипятили сосновыми шишками, и стоит он посреди зеленой лужайки на пенечке, как прошловековой гость с кружевным воротником. Будто парад принимает от сосен, елок и травы. Ворчит, ворчит, да как расплывается: вскипел, значит. Того и гляди ножками затопает. Только из-за этого и таскал самовар в лес. В одной руке этот никелированный барин, в другой — корзина, полная еды и покрытая белой скатертью. А нужно по городу идти не мало кварталов, потом на пароме переправляться через реку. Тащишься, тащишься, а другим вида не показываешь, что тяжело. У ребят, у жены тоже узелки, и

каждый компаньон нагружен соответственно возрасту. Да уж зато как дойдешь, да расстелет жена белую скатерть... Эх, травка-муравка!

— Ну, будет тебе! Так из человека можно все слюнки вытянуть...

— У меня у самого под ложечкой сосет. А тогда, как закусишь, ну и чувствуешь, что в тебе начинается — по-научному говоря — обмен веществ. И чувствуешь душой: вот открывается перед тобой новый год. Всегда новый год должен начинаться весной, с возрождением природы.

— Архип Иванович, давай хоть снежную куклу лепить, — предложил я, — а то холодно без дела.

— Вот, когда холодно, и вспоминаю теплые дни. Но, между прочим, ты из снега куклу лепи, а я схожу на инженерный склад. Надо взять толовую шашку и детонатор: когда мина обсохнет, — мы из нее высечем искру.

— Каким же способом взорвем? Огневым или электрическим? — спросил я.

— «Электрическим!» Придумаешь тоже! Просто возьму обычный детонатор, бикфордов шнур подожгу — и взорвем. А в это время я убегу.

— Так пока ты бежишь от мины-то, а бежать далеко нужно, тебя самого убьет. Возьми лучше провода и электрическую машинку.

Поспорил Архип Иванович со мной, но в конце концов согласился, что в момент взрыва самому лучше быть подальше.

Остался я дежурить на берегу. Время близко к полудню, я голодный с утра, а Архипа Ивановича нет еще.

Погодка ясная, и, если бы не ветер, — было бы тепло. Во впадинах, в затишье солнышко подтачивает снег, и он становится липким. Прождал я часа полтора, замерзать стал. Бегал, прыгал, чтобы согреться, потом занялся делом: слепил на вершине откоса большую снежную бабу. Поставил камешки вместо глаз, из мха волосы и шляпу и даже бороду ей сделал, и трубку сунул в рот. Руки вылепил из снега; и держит моя кукла прутик, а на прутике записка: «Привет бесстрашному подрывнику Лукошину!»

Наконец принес Архип Иванович все, что нужно для взрыва, и говорит:

— Я дежурного по штабу предупредил, чтобы взрыв не сочли за начало военных действий.

— Долго ты ходил.

— Так ведь праздник. Начальника инженерного склада пришлось искать. Потом, сам знаешь, — отлива нужно ждать часов шесть. Так куда мне особенно торопиться? Я пообедал.

— А я так проголодался...

— Ничего, — сказал Архип Иванович, — зато мы ихней миной отсалютуем нашему празднику.

Видно, чтобы утешить меня за мое одинокое дежурство, он куклу похвалил. А я обрадовался, предлагаю ему:

— Давай этого истукана оставим на утесе караульным, а сами пойдем погреться. Место всегда по этой примете найдем. Смотри-ка, он даже на тебя похож.

Архип Иванович не согласился:

— Во-первых, — говорит, — я считаю это произведение скорее за автопортрет. Он своей запиской Лукошина приветствует, — стало быть, это уже не я. Во-вторых, — катер или ёла¹ вдоль берега пойдет случайно, так надо предупредить их, чтобы брали мористее. К тому же скоро взрывать будем.

И верно, — вода со временем сильно упала, и наша мина объявилась тут как тут. Это еще удачно получилось, что нам ее искать не нужно.

По дну морскому спокойненько подошли мы к мине, только валенки намочили. Да один раз я упал, поскользнувшись на водорослях. Нашвыряло море под ноги охапки пузырьника. Даже на мине зацепилась целая гирлянда, напоминающая виноградную лозу.

Толовую шашку я пристроил к шарiku меж рогов.

— Ты смотри не стукни, — просит Архип Иванович.

Я и сам действую со всей аккуратностью. Знаю, что стукни я — и не только нас, но и лыжи наши не найдешь.

В толовую шашку вставили детонатор, а от него идут провода. Протянули мы провода до розового камешка, откуда стрелял Архип Иванович из пулемета, — на катушке еще остался запас. Отошли мы от мины порядочно, да место-то уж очень ровное. Хорошо бы поглубже в землю спрятаться.

Я предлагаю еще дальше уйти. Архипу Ивановичу

¹ Ела — рыбацкая лодка.

не хочется разматывать остальной провод, не хочется его мочить и пачкать. И он доказывает, что расстояние достаточно большое.

— Нет уж, — говорю, — давай на всю катушку. Вон за скалою будет спокойнее. А то ручку от машинки не дам.

Такое правило есть, — когда подготавливают взрыв, ручка от электрической машинки должна быть отдельно. Иначе крутнет кто-нибудь ненароком, выскочит искра — и все взлетят на воздух.

— Вот здесь остановимся, — сказал Архип Иванович, выбрав место у самой скалы.

Посмотрел я кверху, — над головой по всей высокой стенке нависли ледяные глыбы. Если сшибет лед ударом взрывной волны, — нас этими кусками забьет и тут же похоронит. Сразу не убьет, так останешься под обломками и потом утонешь во время прилива.

На шлюпке я бы отошел метров на сорок-пятьдесят, чтобы фонтан грязи и осколков перелетел через голову — и ладно. А тут не знаешь, как она стеганет по пяткам.

— Нет, — говорю, — давай возьмем еще немного в сторону.

В конце концов увел я старшину в каменный закуток, такую маленькую пещерку, — только нам двоим заползти. Тут-то уж потолок и стены надежны: чистая скала.

Там мы легли, присоединили провода к машинке, Архип Иванович взял ее и крикнул:

— Салют Первомаю!.. — да как крутанет ручку!

Тут мина и рванула. Поднялся огромный черный столб. Что только она не натворила! Мимо нас пролетел снежный обвал, потом с неба пошел дождь из ракушек и песку. Вдоль берега на нас справа и слева летят черные тучи: это утки носятся, как угорелые. А гул был такой, что оглушило нас обоих. Кричим и друг друга не слышим.

Стали мы обратно провод на катушку сматывать, — видим, порядочно песок перевероршило. Кое-где его пропахало, а кроме того, на большом пространстве появились рябины-выбоины от упавших сверху осколков.

Показал я на розовый камень с черными жилками — на него надета чугунная шляпа: целую тарелку от мины

оторвало, и она туда прилетела. Обернулся я, — нету нашей куклы. Будто вмиг растаяла. Сдунуло ее, как пылинку. Где шляпа, где борода! И записку мою с приветом подрывнику Лукошину я больше не видел.

— Отсалютовал? — спрашиваю его.

— Здорово! — кричит он и показывает на утиные стаи.

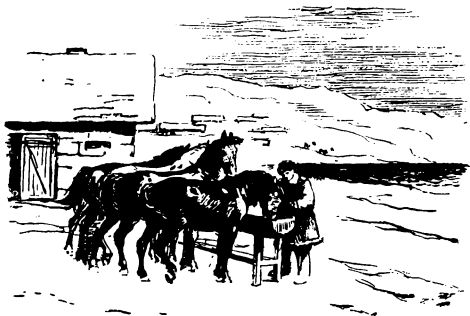
— Останься мы на старом месте, надело бы тебе эту шляпу, или улетели бы вслед за утками, как наша снежная кукла. И хорошо, что ты пулей в рожок не попал. Отсалютовали бы вместе с пулеметом и розовым камешком!

Наш салют слышали в обеих поселках. В южном товарищи поздравили нас с успехом, а в северном — командир отдал благодарность в приказе за то, что мину мы не прозевали.

Празднуем мы Первое мая, а берег наш с виду по-прежнему необитаем, и ни один враг еще не проведаль, что тут высадилась батарея.

И проходят караваны кораблей, спокойно дымя и зная, что их путь охраняют и с берега, и с моря, и с воздуха, и со стороны морских глубин.

РЕЙС АРХИПА ИВАНОВИЧА

Вскоре прислали к нам воинскую часть, зенитные батареи. Сказали, что тут будет база, велели строить дороги и совершенно неожиданно для Архипа Ивановича прислали лошадей.

Для людей поставили дома маленькие и большие, даже двухэтажные, построили клуб, столовую, настоящую баню. А батареи так запрятали в землю, что не найдешь их никак. Вырос наш поселок, и не узнать его. И все это за один полярный день — полгода.

Лошадей Архип Иванович любил и заботился о них больше, чем о себе.

У нас на побережье растет только мох, да еще камней наберешь сколько угодно. Все остальное, даже дрова, привозили на пароме. Придет паром и начнет выгружать: тут мука и снаряды, консервы и бревна, кирпичи, овес и сено для лошадей, картошка для нас.

Эх, только в Заполярье так вкусна свежая картошка! Дымятся картошины на тарелке, рассыпчатые и го-

рячие, как огонь. Или поджарит повар картошку, — ни на какие консервы не променяешь.

Каждый принимает свои грузы. Артиллерист — снаряды, продовольственник — все съестное, строители — кирпичи и бревна. Пассажиров встречает комендант. Весь фураж — лошадиный корм — забирает старшина Лукошин.

Большие корабли разгружаются вдалеке от берега. Борты у корабля высокие; буксиры подводят к ним баржи с обеих сторон, и кранами из трюма за борт матросы передают грузы. Потом ведут баржу насколько можно ближе к берегу, чтобы буксиру не сесть на мель. Стоит баржа на якоре, а как только начнется отлив, море отхлынет далеко, и от скал до воды обнажится гладь из желтого песочка. И тут, на песчаном поле баржи стоят. К ним скорее едут подводы, машины, люди идут. По обсохшему песочку дорожка ровная во все стороны, и такая плотная, что машины не вязнут совсем.

Вот все грузы с барж перевезли на высокий берег. Тем временем начинается прилив. Море затопляет песок, плоские волны подбираются к баржам, и опять они всплывают, опять их ведут к пароходу.

Осенью, когда море начинает замерзать, приходят последние пароходы. Вокруг полуострова на песчаной отмели образуется крепкая ледяная кромка. Тут можно все выгружать на лед. Привезут нашу любимую картошку, а она холоду боится; заморозят — так и есть не станешь.

На корабль все грузится по своему закону: вниз тяжелое, сверху — что полегче. Картошка под сеном.

Как взялся Архип Иванович свое сено возить, мы за картошку боимся: убрали сено — все равно, что шубу сняли. Наверняка заморозят картошку.

Почесал Архип Иванович усы и говорит:

— Ладно, возите вы свою картошку, а я с сеном и овсом на льду обожду. Сено не замерзнет, овес — тоже.

— Вот молодец, — похвалили его, — заботится не только о себе, но и о других!

Перевалили сено и овес с корабля на лед и принялись на всех машинах возить картошку, чтобы ее холодом не успело прихватить.

Выгрузился пароход и был таков. Капитан боится пароход во льду заморозить и лишнего часу не

простоит. Пусть уходит пароход-то. Грузы на берег перевезем не спеша. На льду сено спокойно лежит и ждет своей очереди.

Возили, возили разное имущество, да к ночи все убрать и не успели. Сидит Архип Иванович на своем сене и ругается:

— Каждый раз мне на улице ночевать! Каждую зиму в Заполярье так встречаю.

— Да иди ты домой! Возить твои припасы только завтра ведь будем.

— Нет, без присмотра я овес не оставлю. Еще песцы порвут мешок. Раз не успели перевезти, — спите теперь дома, а мне дайте еще один тулуп.

— Проспишь ведь!

— Ну и что? Если я и усну, так песцы меня слышат чутьем и не подойдут близко.

Сидит Архип Иванович и размышляет, — какой длинный путь сделало это сено, и недаром так поздно оно попадает сюда.

Далеко, далеко в России растет зеленая трава. Пока она вырастет, да скосят ее, да высушат, да из лугов вывезут сено, потом спрессуют, и на станцию доставят; потом везут в поезде; в порту перегружают на пароход; плывет сено по морю, и вот, наконец, оно здесь, на льду, и скоро его лошади будут есть.

Задремал Архип Иванович и видит зеленые луга. Идет по лугу, место сырое, качается под ногами бездонная трясына, — не провалиться бы...

* * *

Приходят утром машины на кромку — сено тут, а овса нет. Да и Архипа Ивановича не видно.

Покричали ему, — не отзывается. Видимо, ушел на берег. А овес пропал: ночью был ветер, волнами оторвало льдину и унесло в море.

— Но что же это Архип Иванович ходит? Надо увозить сено, пока его следом за овсом не унесло.

Ищут его, и нет его нигде.

— Братцы, так Архипа Ивановича самого в море унесло!

Тут только поняли, в какую беду попал человек. Ищи его теперь! Может, он к полюсу отправился или на дно...

— Эх, Архип Иванович, Архип Иванович! Ну, что бы чудачу в сено лечь! Спать во сто раз теплее, и был бы теперь дома.

Все головы ломают, чем бы помочь старшине, и не придумают ничего. Катер с берега спустить и отправить вдогонку, так не пройти по морю катеру: кругом ледяная толчея. Самолет послать на поиски, — так туман такой, что летчик сверху ничего не увидит. По радио хотя бы откликнулся Архип Иванович, так нет у него радики. Единственное средство — ледокол, он железным форштевнем проложит дорогу и не через такой лед. Но ледокол надо вызывать за тридевять земель, и где ему искать одинокого человека, словно пылинку в пустыне!

Матросов на берегу не удержать: просятся на поиски. Был бы лед поплотнее, — ушли бы пешком. А тут — глянь! Где льдины грудой, а где широкие разводья чистой воды.

Катер все же на воду спустили. Мелкие льдины матросы растолкали шестами, катер пошел и тоже скрылся из вида.

Мы сено убираем и горюем. Работал с нами один человек из города Архангельска — коренной помор. Так тот ухмыльнулся:

— Зря катер послали, — не встретятся они.

— Так что же, по-твоему, так и успокоиться: пускай человек погибает!

— Ври-ко, ври-ко-о, дава-а-а-ай! Кабы в море все погибали, кто бы на промысел ходил? Одни жонки остались бы в Архангельском-то.

— Этот, пожалуй, выкрутился бы в два счета...

— Архип-то Иваныч наш, промысловый, — ответил помор. — Не должен утонуть, разве оголодает и замерзнет. Так не оголодает ведь, тюленя убьет. Сей год тюлени близко.

Подъехал к нам по ледяной кромке на саночках начальник. В санки Гнедко запряжен. Лошадь добрая, на месте не стоит. Покачал головой начальник и говорит:

— Окончательно установлено: нигде нет Архипа Ивановича. Видно, делать нечего, нужно сообщать по радио во все концы. Может, где-нибудь организуют поиски, но, по всему видно, — погиб человек.

Хотя бы катер вернулся. Их тоже может раздавить льдом в лепешку.

Хотел начальник ехать на рацию, а Гнедко как заржет! И еще раз! И еще!!

Смотрим в бинокли, — показалась на море едва приметная точка. Что ж это может быть? Тюлень не тюлень, или катер возвращается?

Кок заспорил:

— Я без бинокля знаю, что это Архип Иванович. Не стал бы Гнедко перекликаться с тюленем.

Прав оказался кок: и верно, учуял Гнедко. Это сам Архип Иванович на льдине катит сюда.

Отливным течением его унесло, а прилив обратно несет. Да еще северный ветер помогает.

Сидит он на мешках, а льдина под ним чуть видна: истерлась, пока плавала.

Вот что значит не река, а море. Река век свой течет в одну сторону, а в море можно ездить по течению взад-вперед. Только не попади в межокеанскую реку Гольфстрим, что не в берегах течет, а струей, сквозь моря и океаны, — тогда не вернешься обратно.

Пригнало его льдину к берегу, а пойдй возьми его! Между нами разводье чистой воды, дальше битый лед выгнуло по воде полукругом, и среди этой каши Архип Иванович что-то кричит, но слов не слышно.

Что делать? Надо шлюпки спускать...

Не успели взяться за шлюпки, — смотрим, катер несет следом за Архипом Ивановичем.

Тоже, называется, идут по морю на катере: моторист воду выплескивает, а матросы по льдинам прыгают резвее белок и вокруг катера обкалывают лед.

На буксире катер подвел льдину к твердой кромке льда, и мы все взялись перетаскивать мешки на сушу.

А как управились с овсом, Архип Иванович давай браниться, что без него не убрали сено в склад.

— Мы же о тебе беспокоились!

— А чего обо мне думать? Вон папанинцы полгода на льдине ездили!

— Теперь-то ты храбрый, — говорит кок, — а в море, наверное, заскучал. Выпей-ка горячего чаю!

— Скучать-то мне некогда было. Льдину мою крошило, как сухарь. Только хрушает! Глыба на глыбу лезет... Ну, затопчут! Нет, глядишь, моя льдина

обломится и отойдет на свободную воду. А как сломает ее, — непременно мешки окажутся на краю. Я их на серединку перетаскиваю, а льдина опять почти пополам хрустнет. Я опять таскаю. Таскал до той поры, пока льдина не стала с пятачок. Ну, думаю, сейчас совсем окупнется. Пора акт составлять на пропажу овса.

— Ты что ж тревогу не поднял? Хотя бы стрелял, когда понесло тебя.

— Какое там! — отвечает Архип Иванович. — Проснулся я и гляжу, — маяк на берегу мигает. Вот она рядом, большая земля. Ну, значит, далеко уехал. Соображаю, — если у берега меня не раздавит, так куда понесет? Или в открытое море, или вдоль берега будет дрейфовать мой крейсер? Угадал, что должно меня течением повернуть обратно.

— Хорошо, если тебя хотя бы на маяке поймали.

— Я сам мог убежать к маяку, когда лед начало сжимать. Да как же овес-то! Или бросить его и лошадям без корма жить? — спрашивает Архип Иванович. — Я и то беспокоился. Тюлени ко мне на льдину лазали. То один выскочит, то другой. Они-то ничего, а если следом за ними медведи явятся? Белые-то они белые, а вдруг любят овес, как всякий медведь?

— Слушай-ка, Архип Иванович, медведи как будто только на корню едят овес.

— Хм, сомневаюсь, — возразил Архип Иванович, — на корню овес, конечно, в распоряжении медведей. Но, скажи на милость, где им здесь-то взять овса на корню?!

БОЙ АСА С ПОРОСЯТАМИ

Архип Иванович придумал новое дело. Никто до него не разводил свиней в Заполярье. А этот никому покоя не дает и твердит одно:

— Смотрите, сколько щей, сколько каши, кусков и различных отходов выбрасывают повара; только засоряют землю. А были бы у нас поросята...

Конечно, если Архип Иванович что придумает, то уж добьется своего. С его легкой руки у нас завелось стадо свиней, а мелких поросят просто нельзя было сосчитать.

— В свинье росту не будет, если ее все время держать взаперти. К тому же, может быть, они на самозаготовках найдут каких-нибудь червяков, — говорил старшина, выпуская стадо гулять.

Поросята бегают, резвятся, ну, а пищи им в тундре не найти никакой. Земля оттает чуть-чуть, только свинье нос зарыть, а дальше лед.

Но все же они весь торф перерыли и находили какие-то корешки. Вкусно так чавкают.

А уж если появится кустик зеленой травки, поросята рады, — подойдут и смотрят.

— Любуются; это у них вроде экскурсии на лоно природы, — уверял Архип Иванович.

Старшая свинья Нянька все время поворачивала нос к полосе отлива и стремилась туда увести стадо, но старшина на отлив не пускал.

Архангельский человек говорит ему:

— Да ты пусти их на куйпоку.

— Какая это еще куйпока?

— Куйпока — это такая пора, когда вода задумалась: от берега ушла, обратно еще не идет. Возле нас столько добра остается, что можно тысячу свиней прокормить.

— Утонут еще, — проворчал Архип Иванович.

Но спустя дня два под собственным наблюдением все же выпустил поросят на отлив и диву дался.

Поросята морских звезд хватают, рыбешки, водоросли — все у них идет за лакомство, только чавканье слышно. Вот где не вычерпать кормов.

Вражеский разведчик продолжал свои полеты.

Летать-то он летал, чувствовал, что тут строится что-то новое, ну, а что и где расположено, — выяснить ему не удавалось.

Усердствуя, ас прилетал даже ночью, пытаюсь по огням выследить что-то.

Вообще по разведчикам батареи не стреляли, чтобы не обнаружить свое расположение. Ну, а этого сбили бы с удовольствием. Он сам порой всячески пытался вызвать на бой, — заберется повыше и кружит.

— Эх! Дать бы ему! Да нельзя. Один выстрел — и сразу поймут, что тут батарея, а не колхоз. А при таком открытии немедленно придут соединения бомбардировщиков и начнут бомбить. Враг ничего не пожалеет, чтобы уничтожить пушки. Корабли противника также будут остерегаться, потому что разведчик донесет и укажет расположение новых «точек» на карте.

Как заслышит Архип Иванович вражеский самолет, — в лице переменится: нет ли лошадей в тун-

дре? Не гуляет ли свиное стадо? И дождался беды на свою голову.

Прилетает раз воздушный пират. Объявили воздушную тревогу: кому приказано укрыться, — как следует попрятались.

Только смотрим, — все наше поросычье стадо разгуливает на полосе отлива.

Архип Иванович обомлел. Одна надежда у него, что фашист свиней не заметит. Так нет, он, как назло, закружил над стадом, выделявая различные фигуры в воздухе. Потом снизился да как даст огонь из всех пулеметов.

Плохо ты, фашист, стреляешь. Промазал. Хотя бы один поросенок хвостиком вильнул! Не понимают поросята, какая им грозит опасность.

Пират снова заходит и снова стреляет. На этот раз попал. Несколько поросят упало, визжат, раненые, и даже свинья Нянька кверху посмотрела с удивлением: что творится такое необычное?

— Нашел развлечение, негодяй, — сказал наш длинный и худущий фельдшер. Он стоял под прикрытием маскировочной сети, чтобы в случае надобности оказать помощь раненым, а рядом с ним облокотился на орудие наводчик Перегонов.

— Этот шакал не терпит ничего живого. Израсходует боевой комплект патронов и доложит, что не поросят расстрелял, а скопление войск, — говорит Перегонов, а сам смотрит, как Архип Иванович бегаёт по оружейному дворику, готовый выскочить против фашиста с винтовкой.

И выскочил бы, если б не дисциплина.

Недолго может кружить разведчик, и невелик у него запас патронов. К тому же поросята в хлев убежали. Улетел самолет.

К раненым поросытам Архип Иванович привел фельдшера. Тот осматривал их и в нужных случаях делал перевязки. При этом старшина требовал чистых бинтов.

— Так это же все-таки свинья, — говорит фельдшер, — можно тряпкой перевязать.

— Нет, это животное. Свинья улетела.

— Верно, — согласился фельдшер, — тот-то уж был настоящей свиньей.

В это время прибегает рассыльный и вызывает Архипа Ивановича к начальнику.

— Вот сейчас он меня припечет, — сказал Архип Иванович фельдшеру, предчувствуя недоброе.

Действительно, он получил тогда указание выпускать поросят на прогулку только в нелетную погоду.

Позднее самая большая и старая свинья Нянька погибла от снаряда, но свиное стадо не переводилось до конца войны.

СПАСЕННЫЙ ЛЕС

Давно следовало построить причал. Это было ясно для каждого еще в первый год высадки батареи. И место нашлось — бухта довольно глубокая. Поставить у берега срубы из бревен, загрузить их камнями, а сверху уложить балки и настил из досок — вот и готов причал.

Разгружаться будем прямо у стенки и на машинах развозить грузы по своим местам: снаряды — в погреб, одежду и продукты — в склады, сено — в сарай. Очень бы облегчил дело причал, и без помехи такую работу можно сделать в одно лето.

Но из чего прикажете возводить срубы, где для этого бревна? Вокруг растет один лишайник. Рассчитывать на то, чтобы привезли строевой лес, — совершенно не приходится. Даже в дровах командующий отказал... «Нечего занимать транспорт; пускай за дровами ездят в море».

Ну хорошо. За дровами ездить в море — это понятно. Каждый год со сплавных рек уносит не одну тысячу ку-

бических метров древесины. Прорвет где-то в верховьях реки лесную гавань, и течение вынесет бревна в море, а там ветер да волны гоняют их, пока не выкинут на берег. Или захватит морское течение — и пойдет лес странствовать по свету.

Устраивают сплавщики запани. Натянут поперек реки канат да, чтобы не тонул, подвяжут этот канат к бревнам и говорят: «Вот наша лесная гавань! Любое бревно, плывущее сверху, задержат надежные боны».

А чуть прибыла вода, бревен побольше накопится, ветерок подует по течению — лопнул канат, раздвинулись боны — и лес валом поехал в море.

На даровом архангельском лесе даже в Норвегии работали целые лесопильные заводы.

Если поплавает бревно по морю, то непременно не один раз потрется у берегов. Тут его волны так обточат о камни, словно твое веретено. Оба конца заструганы точно шило, только середина бревна сохраняет прежнюю толщину, а длины его осталось — половина. Когда же этот коротыш закинет штормом на дальние камни, он останется лежать там навсегда, если не слизнут его обратно в море волны.

Все это — дрова. А где же для причала взять строевой лес? Нужно немного — всего какую-нибудь тысячу кубометров, но отборного, добротного леса.

Много думал Архип Иванович. Неделями пропадал на заготовках. Да что толку! Плавают моряки на шлюпке вдоль берега. Где заметят закинутые на скалы бревна, — столкнут в воду. Дров набрали, пожалуй, довольно, а начальник по-прежнему говорит:

— Бери целую команду молодцов и действуй. Буксир пришлем, только найди настоящий лес.

В конце концов Архип Иванович нашел правильный путь. Кто лучше охотников знает места? Кто, как они, своими ногами исходили побережье? И отправился старшина в отдаленное становище, к охотнику Степану Кулькову, знакомому еще с прошлого года.

Два дня пути на шлюпке — и Архип Иванович в гостях. Приехал он не с пустыми руками, — в каждом кармане припасено по две пачки грузинского чая. Пока заваривается чай, в ожидании густого черного настоя, — разговоры могут быть только самые общие, конечно, в первую очередь о войне.

Примостил Степан на шесток русской печки таганок; пока кипела вода в котле и доходил на жарких углях чайный настой, — Архип Иванович пересказал Степану последние сводки Совинформбюро и все читанное им в газетах.

Был охотник загорелым, чернобровым и с седой щеткой усов над верхней губой. Руки у него словно бы длинноваты, и весь он неуклюж, как медведь, но с ловкими, по-медвежьи быстрыми и точными движениями.

Напились, наговорились, налили по последней чашке и тут с полным удовольствием вздохнули. Архип Иванович с уважением посмотрел на котел, — таким он вместительным оказался. И начал Архип Иванович спрашивать о том, что волновало его, — о лесе.

— Лесу-то как не быть. Есть лес. Я позапрошлый год на сплав бегал, так ведь там много лесу было, — ответил Степан и, закурив, продолжал: — Ну, как война началась, так лес никто не уводил. Жонки одни остались, а жонки в море не ходят. Кому без мужиков лес-то угнать? Есть лес. Куда ему деваться? Старые штабеля лежали, да еще ведь на берег накатали много. Есть лес.

— Посмотреть бы его нам с тобою, — попросил Архип Иванович.

— А чего же, сбегать можно — недалече. Вот сиверко-полуночник наш задует — и под парусом побежим.

— Может быть, на шлюпке? — предложил было Архип Иванович, но Степан не согласился.

— Такое место, хотя шестеро будут грести, пожалуй, не выгребешь, а за парусом безустально просидим хотя бы целые сутки и за это время ой-ой где будем. Вдвоем и побежим, там осмотримся, — заключил Степан.

— Ну ладно, пойдем вдвоем, — согласился Архип Иванович, — а ты вот что мне скажи. Лес я найду; а вот чем я его плотить буду? Нечем увязывать. Нет у нас ни одного конца цинкового троса или хотя бы пеньковой снасти. Такая загвоздка с такелажем!

— Тут тебе загвоздки-то будут на каждом шагу, — усмехнулся Степан и посоветовал: — Ты вот что, милый, своих молодцов на лодке с ха-а-рошей кошкой погоняй как следует. Когда сплав закрыли, такелаж-то увезли. . .

да не весь ведь увезли; тут столько потопили цепей и цинк¹, что наловишь, пожалуй, себе. Ну, которые цепи давно лежат, так их за это время песком, поди, замыло, но не очень замыло, так, чуть-чуть, и потому ты ха-а-рошую кошку возьми, какая есть тяжелее всех.

Прибежали. Река впадала в широкую плоскую губу. У поворота морского берега еще стояли скалы, а затем обрыв круто уходил под песчаные лепешки отмелей, и случись в бухте, вдоль кромки воды, какая-нибудь растительность, — можно было бы сказать, что это берег не моря, а лесного озера. Те свирепые волны, что бросались без устали на каменный пояс берега, недалеко забегали в бухту. Вывернется такая с моря, побегит, закинув гребень, да словно зацепится за песок. Сколько их, таких горячих, ни заскакивает в бухту, — все кончают одинаково. Соберутся над морем во всю ширь черные тучи и гонят перед собою высоченные волны. Сами, подбежав к берегу, словно поднимаются выше и летят себе озираясь, а волнам тут конец приходит.

Лесу оказалось много. Штабеля тянулись за штабелями, и между ними узкие проходы, как глубокие траншеи. И во всех этих лесных ущельях не встретилось ни души: некому и не от кого было караулить лес.

— Елка-то какая! — хвалил Степан. — Ты расколи ее, — она словно сахарная. Три года выдержанная, первосортная. За этот лес сейчас любая фирма из-за границы чистоганом выложит деньги. А звон-то какой! — стучал Степан суставами пальцев по бревну, будто горшки продавал.

Поездили они вдоль и поперек бухты. Архип Иванович меряет дно и только крикает, а Степан его утешает:

— Конечно, в весеннюю пору, когда река в полной воде, было бы легче. Река-то ведь сама ухода требует. Она сама в себе свою смерть несет... Почерпай песок и получишь глубокий фарватер — пароходу дорога. А так река чахнет. Разный хлам тащит, по пути намочет песку, глины, — в быстрине все пролетает без задержки, а в устье идет морской прилив встречу речной воде. Течению шабаш, и все, что умчала река от берегов, тут оседает на дно. Где пароход ходил, глянть — песчаная плешина. Сколько помнится мне, — реку никогда не чис-

¹ Ц и н к а — цинковый трос.

тили, песок, то есть, не черпали. Ну, да ты особо-то не горюй: до войны работали и лес сплавляли. А за три года не так уж намного поднялись мели. Три года для реки — срок невелик. Сполгоря, выкрутишься.

Архип Иванович все прикидывал, как ему «выкручиваться» из песчаных мелей. На лодке к берегу не подъехать за полверсты, и похоже, что лес отсюда не взять. В этом была главная, как говорил Степан, «загвоздка».

Рассказал старшина начальнику о своем открытии. Но оказалось, об этом лесе начальник знал и к предложению Архипа Ивановича отнесся недоверчиво.

Не много ли старшина берет на себя? Обследователи, осмотревшие это место еще в прошлом году, сказали, что сплав на реке закрыт с начала войны, все приспособления уничтожены, подход к берегу затруднен мелями и лес не представляется возможным вывезти.

«Мало того, что до воды катать лес далеко, так к берегу на километр не подойдет ни один буксир», — подумал начальник, глядя на карту, и ответил Лукошину:

— Нет. Пожалуй, только обнадежишься, а потом на тебя будут кивать, как на хвастуна.

— Товарищ начальник, я об этом ночи думал, — убеждал Архип Иванович, — ничем мы не рискуем. Этому делу до поры до времени не давайте огласки. По-едем за дровами. Привезем дров — хорошо, привезем лес — еще лучше. А если не попытаем, так и не выясним, — можно его взять или нельзя.

— Ну, давай посмотрим, что тебе для этого нужно.

— Десять человек — не меньше...

— Дам пятнадцать, если потребуется. Еще что?

— Брюки, фуфайки ватные, костюмы резиновые на всех и три комплекта запасных.

— О резиновых костюмах заикаться нечего. Сам знаешь, — приказано на хозяйственные работы не давать ни под каким видом.

— А вы, товарищ начальник, выдайте их мне на боевую подготовку, — улыбнулся Лукошин.

— Ну, еще канаты ты у меня попросишь, — продолжал начальник.

— Так ведь нет их у вас все равно. Сами как-нибудь уж будем выкручиваться, — сказал Лукошин, правильно угадав, что после такого ответа начальник

подобрее. Начальнику пришлось согласиться на то, чтобы, кроме двух шлюпок, выделить еще небольшую баржу и чтобы катер отвел эту флотилию на буксире.

Видя, как аппетит Архипа Ивановича увеличивается с каждой секундой, начальник поспешил сказать:

— Ну, ну, значит, все! Действуй! Добро!

Но старшина как будто не слышал слов начальника и продолжал не спеша:

— Товарищ начальник, а вот цепи-смычки с замками есть ведь у нас на складе. . .

— Так это от бонового хозяйства. Ты еще буйки запросишь.

— Совершенно верно, — парочку надо.

— Ну и все! все, все! На этом кончено! Когда будет дело сделано?

— Считаю два дня на подготовку. Затем, если шторма не будет, дней двенадцать вместе с дорогой. Итого — две недели.

«Ну прыток, — подумал начальник, — за две недели две-три тысячи кубов! Либо я ничего не понимаю, либо он ошибается», — и вслух заключил:

— Тогда в нынешнем году успеем построить причал.

— Совершенно верно, товарищ начальник, для загрузки ряжей готовьте камень. Мне и сейчас вот нужно его, разрешите подорвать скалу.

* * *

Матросы Глебов и Заикин вдвоем взваливали на тачку оторванные взрывом увесистые обломки известняка.

— Каменья-то зачем нам? — ворчал Заикин.

— Будем море мостить, голова! Давай покрупнее, там глубоко, — шутил Глебов. Краснея от натуги, он осторожно клал камни пудов по пяти и потом бережно опускал их по доскам в трюм, беспокоясь, как бы «камышки», стукнув, не проломили днище баржи.

Заикин был рад, что его взяли на флот. Получив обмундирование в полуэкипаже, он любовно оберегал складки на рукавах форменки, туго перетягивал талию ремнем, был всегда подобран и щеголеват. Мечтал носить гвардейские ленточки, хотел послать фотографию сестренке, да не успел сняться.

А теперь посмотрела бы она — какой он «орел». «То

в земле вывозишься, то в смолу влипнешь. А тут еще послали камни ворочать», — думал Заикин.

— А вы, братцы, давайте не только крупный, но и мелкий камень, — учил Белобров. — Мелочь-то промеж крупных камней будет заполнять пустоту.

Рослый Белобров был одет, как все матросы, в рабочую шинель и полотняную робу. Брюки, выпущенные поверх сапог, резко отличались своей белизною от шинели. Шинель, ставшую тесной в груди, Белобров растегнул, выставив полосатую тельняшку. Он поторапливал товарищей, так как обещал Архипу Ивановичу, что баржу закончат грузить до отлива и по большой воде отведут от берега.

Глядел, глядел Белобров, как Заикин ходит вразвалку, и говорит ему:

— Посмотрю я на тебя — парень ты молодой и крепкий, грудь твоя напоминает полосатый арбуз, а по походке ты ветеринарный помощник в белых штанах... И словно стыдишься своего дела.

— Такая роба, — огрызнулся Заикин.

— Не на робу смотрят, а на работу, — вставил свое слово Архип Иванович и пошел на берег — получать со складов продукты и технические приспособления.

— Просите «добро»¹ на выход! — крикнул Глебов вдогонку Архипу Ивановичу. — Вся флотилия «под парами». Пока отвечают, мы и погрузку кончим.

Старшина радовался: хлопцы горячо взялись за дело, ни один не справляется о времени, забывают про обед, смена приходит раньше положенного, а эти не уходят, как будто человеку не нужен отдых. Все нажимают на работу, пока стоит штилевая погода, зная, что в шторм придется отлеживаться, если не случится худого: внезапная буря может погубить все.

Полярное солнце не сходило с неба, оно только перемещалось то на правую, то на левую сторону горизонта.

Песок блестел на солнце, вода сияла свежая, изумрудная. Но холодны песок и вода — не простоять босиком и минуты, так начинает ломить кости, будто в клещи попадут ноги.

Буксир привел «флотилию» в бухту. Глебов и Белобров выскочили из шлюпки. Воды было по грудь; за

¹ То есть — разрешение.

ними прыгнул Заикин, и ему, низкорослому, вода пришлось по самые плечи. Берег был далеко, шли долго, и когда вода стала ниже колена, Заикин предложил закурить.

— Можно, — согласился Глебов, — за перекуркой на новом месте лучше оглядишься.

Папиросы и спички у него были под бескозыркой. Тщательно вытерев о волосы мокрую руку, Глебов чиркнул спичку. Белобров не курил, а просто сел на отмели отдохнуть, опираясь локтем о песчаный бугорок, скрытый под водою.

Все трое были одеты в странные костюмы бледно-зеленого цвета.

— Хорошо и не холодно, — сказал Заикин.

— Кабы не надеть ватники, так через резину пробрало бы холодом, — отозвался Белобров.

— Чудные мы — посмотреть со стороны, — усмехнулся Глебов, — а работать в этом облачении будет жарко.

— Ну, в воде-то хорошо, а на суше снимешь.

Они смотрели на море, где далеко на гладкой воде сновали шлюпки, стояла баржа и работали их товарищи, загружая камнем маленький сруб — единственную твердую опору и будущий надежный якорь для плотов среди этого широчайшего разлива воды. Там, казалось, проходила граница между речной и морской водой.

— Здесь вода желтее, — заметил Белобров.

— Потому и желтее, что грязнее, — согласился Глебов.

— Баржу-то куда денут, когда камень выгрузят? — спросил Заикин.

— В барже жить будем. Кто на берегу работает, тот спит в сплавщиковой избушке. А если ты на воде, — не будешь каждый раз бегать за две версты. Чья очередь отдыхать, — лезь в баржу.

— Стойте, товарищи, тут железо! — удивился Белобров, раскапывая песок под локтем.

— Ты поаккуратней! Не бомба ли это?

— Да нет, смотри-ка — лапа! Правда ведь, якорь...

— Так, так, — заинтересовался Глебов, — где у него кольцо? Мы сейчас к нему привяжем буюк. Пусть он лежит, как лежал. Якорь пригодится нам. Тут у сплавщиков все было приспособлено, и сваи набиты и причалишко был, да всё льдом стерло под корень. Чтобы

лес взять, — все нужно оборудовать заново. Старик-то наш на этот счет умом раскинул. Ишь, гомонит там, словно петух зерно нашел, — Глебов показал на Архипа Ивановича.

Старшина мог похвастаться удачей: обе шлюпки вели добычливый лов. Разъезжая взад-вперед и волоча за собою кошки, они то и дело поднимали обрывки цепей и утопленные тросы. Цепи сковывали скобками на болтах, а короткие канаты сращивали. Тонкий канат уже намотали на барабаны ручных лебедок, валявшихся среди штабелей и примеченных Архипом Ивановичем еще в первый приезд.

Теперь он шумел, выбирая длиннущую цепь, и звал вторую шлюпку на подмогу, боясь, чтобы тяжесть цепи не слишком погрузила шлюпку.

Если посмотреть со стороны, — не было ничего примечательного ни на этом безлюдном песчаном берегу, ни в том, что делали матросы. Одни скатывали бревна в воду, другие гнали их баграми по узкому коридору, образованному бонами, а дальше сплотки вереницей подтягивали лебедками от якоря к якорю, которые удерживали плотики с установленными на них лебедками. Наконец лес приводился к барже и конечному якорю — сруб, где начинало вырисовываться тело громадного сигарообразного плота.

Тут лес надежно опутают цепями и канатами, и можно будет «сигару» вывести на морскую волну, не боясь, что она расползется по бревнышку.

— Давай, давай! — кричал Глебов. — Вот завернем сигарку и закурим. Эй, Заикин, давай конец! Где ты, Заикин? Эй! Ну куда девался человек? Сейчас был на глазах. Сквозь воду провалился, что ли?

— Да вон он! — показал Глебов.

— Где?

— Вон за бревнами, гляди — в воде!

— Да он спит, чертяка! Вставай, Заикин, — окликнул Глебов, подходя к нему, и тронул спящего шестом.

— А? Чего? — встрепенулся Заикин, поднимая голову с бревна, служившего ему подушкой.

— Удобно, говорю, поспал и к умывальнику бежать не надо, тут в постели и ополоснешься.

— Так я третью смену...

— Мы ничего тебе не говорим. Давай вытягивай трос: старшина сигналил «дать лесу».

Архип Иванович, не сходя с баржи, наблюдал за тем, как крепят плот, сам работал вместе с другими и был единственным человеком, который следил за временем. Через каждые четыре часа он бил ломом в подвешенную рельсу. Дребезжащий звон означал смену на отдых, но все время получалось так, что работающих было больше, чем отдыхающих.

Заикин боролся с дремотой. Он с трудом поднимал непослушные веки и то и дело плескал воду на лицо.

Глебов сунул ему в рот папиросу и, хлопнув по плечу, подбодрил:

— Давай, давай, двигай! Дело к концу идет. Этот сплотов подведем — и на отдых.

Самому Глебову тоже хотелось спать. Глаза его покраснели, а лицо осунулось. Многие теряли силы, но приближавшийся конец работы поднимал настроение:

— Ловко придумал старик! Как по конвейеру подаем, только успевай сплочивать.

Бывавшие на поисках дров с надеждой говорили:

— Зачерпнем здесь лесу, не нужно будет за отдельными бревнами лазать меж скал, растрачивать силу. Другое бревно так заклинит, что не скоро вывернешь его.

Выспавшись, Заикин вылез из баржи. Был он в обычных брюках, фланелевке и расстегнутой шинели. Не хотелось сразу одеваться в резиновый костюм. Руки и ноги ныли от усталости. Заикин потянулся, взглянул на небо, потом на море.

Свесив ноги в воду, Глебов сидел на бонах, образовавших рамку возле «сигары». Бревна, сплоченные попарно и связанные канатом, качались на морской зыби и стучались друг о друга.

— Дай закурить! — крикнул Глебов, увидав Заикина.

Заикин понял, что Глебов еще не отдыхал и не уходил с бонов. Он быстро достал махорку, свернул «козью ножку» и понес Глебову. Первые звенья бонов он прошел легко, потом встретился широкий прогал. Заикин перепрыгнул его и поскользнулся.

Глебов улыбнулся, глядя на Заикина, а тот, встав на четвереньки, чувствовал, что не может двинуться ни вперед, ни назад. Не было сил выпрямиться, и

Заикин, под общий хохот, замочив кiset, который все еще держал в руке, и неужную теперь папироску, на четвереньках вернулся на баржу.

Надев резиновый костюм, с багром в руках, Заикин, как ни в чем не бывало, подошел к Глебову по тем же бонам, которые минуту назад казались такими неустойчивыми.

Лишенные других развлечений, люди при каждом удобном случае вспоминали ему, как он встал «на четыре якоря», и это стало предметом постоянных шуток над Заикиным.

* * *

На восьмой день, когда солидное тело «сигары» чуть качалось на пологих волнах, с высоты штабеля заметили в море катер.

— Право по борту-у-у катер! — пронеслось над водою.

— Начальник идет, — сказал Белобров, взглядываясь в перламутровую дымку.

— Неужели десять дней прошло? — спросил Заикин, недоуменно глядя на товарищей.

— Кто грамотный или с часами, — подскажи, какое сегодня число, — засмеялся Белобров.

Все трое потеряли счет дням и не решались спорить друг с другом.

— Начальник матросские сроки знает, — наверняка за три дня раньше приехал, — уверенно сказал Глебов. — А ну-ка, нажми, ребята!

Катер ушел скоро, и по матросскому телефону, из уст в уста, не дошли еще новости до берега, когда Глебов сказал:

— Наверное, — шабаш. Чего, не веришь? Вон с плота сигналят на штабеля! Читай теперь сам.

Заикин взглядывался в фигуру матроса, стоявшего на кнехтах¹ баржи. Сигнальщик, держа в каждой руке по бескозырке, условными знаками по семафору писал в воздухе:

«Кончай откатку. Всем — ко мне».

— Вон и шлюпка от баржи отвалила. Едет за нами. Собирайтесь, ребята.

¹ Кнехты — причальные тумбы.

— Эй, Заикин, подвези на закукорках до шлюпки, — просил Иванов, оказавшийся на берегу в одних ботинках. В таком же положении рядом с Ивановым стояли еще двое готовых к прогулке по пояс в холодной воде.

— Давайте всех этих пешеходов посадим на сплоток и увезем до шлюпки. А то еще застудятся напоследок, — предложил Белобров.

— Половина дела сделана, — сказал Архип Иванович, когда моряки расселись на готовом плоту, — начальник докладывал о нас командующему, и завтра за нами придет тральщик. Остается в целости довести лес до места.

— Ура! — крикнул Глебов так, что подлетевшие было чайки отпрянули прочь.

— Ур-р-ра! — подхватили остальные, будя задремавших.

«Теперь всё, теперь дома. Как-нибудь до места дотянем», — думал Заикин, поудобнее укладываясь на бревнах. Некоторые спали, даже не успев снять резиновые костюмы. Вскоре весь плот покрылся телами спящих как в люльке матросов.

Архип Иванович смотрел на море. Оттуда тянул легкий ветерок, чуть покачивая «сигару». Стоило ветерку ослабнуть — старшина с тревогой смотрел на горизонт: затишье — предвестник бури.

Синоптики предсказывали шторм, начальник передал эту новость Архипу Ивановичу.

Что случится раньше? Или разразится шторм, или придет тральщик? Если до прихода тральщика разведет на море волну, — он бесполезен. Чтобы самого не выкинуло на мель, тральщик близко не подойдет. А «сигару» тогда по бревнышку расшвыряет так, что по берегам не соберешь. Надо, чтобы тральщик успел увести «сигару» в море, — во время бури в волнах спасение.

В тревоге проходили часы. Архип Иванович неотрывно смотрел на горизонт. Вот начали просыпаться люди; и, чтобы его беспокойство не передалось другим, старшина спустился в баржу. Но долго усидеть там не мог, то и дело высовывался и проходил по «сигаре».

У каждого матроса есть иголка и нитка. А починки за эти дни авральной работы набралось прбпасть. Тому

пуговицы пришить, у этого хлястика не хватает, у того шинель распоролась по швам и нужно затянуть прореху, иной чинил ботинки. Занимаясь шитьем, все украдкой посматривали на Архипа Ивановича и замечали: «старик» чем-то взволнован.

— У моря ждет погоды, — заметил румяный Николаев.

— Тебе невесту ждет, зеленую русалку с хвостом, — усмехнулся Грицаев и проворчал себе под нос: — Сделали собі ляльку, тепер нянькайся з нею.

— Нет, Грицо, — возразил посерьезневший Николаев, — я слышал, как начальник говорил ему, что ветродуи обещали шторм.

— Какие тебе ветродуи, то синоптики! Как не угадают погоду, ошибутся на час, их кличут: «ветродуи». А как правда да вылезут люди из пасти смерти, то с почтением — «синоптики».

— Ошибутся на сутки или более того, — им на это дело начхать, а для нас час решает все, — ответил Николаев, задумчиво глядя на море.

Белесая пленка над морем стала плотнее, казалось, вечер надвигался с той стороны. Волна начала выше поднимать «сигару», словно взвешивая на своей ладони эту тысячетонную тяжесть. Поскрипывали швартовые, врезаясь в бревна сруба.

Архип Иванович, да и другие, будто ненароком, приваливались телом к срубу, стараясь угадать, — не качается ли главный якорь-сруб, в который они заботливо засыпали двести тонн камня. Если море разыграется по-серьезному и швырнет «сигару», лопнут, как веревочки, тросы, а не лопнут, так и сам главный якорь, словно репку с гряды, «сигара» выдернет, сбив тяжестью своей туши.

Моряки, опутав вокруг «сигары» все остатки тросов, полные ожидания, смотрели в мерцающую дымку. Угнетало безделье. Все, кто мог заставить себя, спали. Другие просто лежали с закрытыми глазами, притворяясь спящими, чтобы не нагонять тоску на товарищей.

Архип Иванович помчался навстречу кораблю, едва тот показался. Тральщик застопорил машину и грузно переваливался с борта на борт, в то время как шлюпка прыгала на волнах, словно собачонка перед мордой лошади, радуясь предстоящей дороге.

За поданный конец шлюпку поддержали с палубы. Оставив весла, гребцы уперлись в борт баграми и оберегали шлюпку от ударов, а старшина, изловчась, уцепился руками за фальшборт¹ и перешагнул на палубу.

Едва взойдя на мостик, Архип Иванович сразу объявил свое мнение, что немедленно надо заводить буксирный конец на «сигару».

— А сводку погоды знаете? — спросил командир.

— Знаю.

— Ну вот и все! Какая игра будет, — посмотрим. А то оттяну тебя от берега и брошу, и артистов на «сигару» высажу. Вот у вас будет тогда настоящий концерт, — усмехнулся командир. — Знаешь, что за ваши дела командующий прислал к вам целую концертную бригаду? — спросил он Архипа Ивановича.

— Это хорошо. А вот как мы пойдем? — озабоченно спросил старшина.

— Ну, это мы со штурманом решим, — ответил капитан-лейтенант и продолжил: — Выбирайте буксирный конец на шлюпку и заводите на «сигару».

— Я пойду на плоту, — сказал Архип Иванович.

— Оставить трех человек на «сигаре», двух — на барже, сам вернешься на корабль.

— Есть, — ответил старшина.

Тральщик, чуть отработывая машиной, чтобы не сносило на волне, медленно приближался к «сигаре». Шлюпка тяжело отвалила от него, матросы разом ударили веслами и, напрягаясь всем телом, далеко назад откидывали корпус, подтягивая обеими руками весло к груди.

— Кому-то надо остаться на «сигаре», — сказал Архип Иванович, когда буксирный конец был укреплен.

— Я! Я! — вызвались Заикин и Глебов.

— Так мы же, товарищ старшина, с одного расчета, — вышел вперед Белобров.

— Ну, добро. Надо еще на барже кому-то быть.

— Это мы с Николаевым, — объявил Грицаев.

— Всем на «сигаре» обвязаться концами. Одна шлюпка останется при вас.

¹ Фальшборт — бортовая обшивка выше верхней палубы, служит защитой у низкорботного корабля от захлестывания волной.

— Прикажите и эту поднять, нам с нею будет одна морока, — возразил Белобров.

— Вам останется шлюпка, — сказал Архип Иванович Николаеву.

Рядом с буксирным канатом от тральщика к «сигаре» и от «сигары» к барже пропустили тонкий линь.

Тральщик вытянул в прямую нитку буксир, «сигара» нехотя сунула нос навстречу волнам. Отдали швартовые с якоря-сруба, брошенного теперь на потеху шторму. Последней двинулась баржа с привязанной шлюпкой, и караван лег на курс.

Порядок каравана не нарушался, машина тральщика работала, но как будто бы все застыло на месте, до того медленно было движение корабля и «сигары», баржи и шлюпки.

Ехавшие на тральщике артисты спустились в кают-компанию продолжать игру в домино. Только солистка осталась на палубе, и новый дежурный терпеливо объяснял ей, что на «сигаре» и на барже оставили людей не зря. Им там опасно и неудобно, но, если «сигара» начнет расползаться, они должны крепить лес, а оборвись канат — без них не завести на «сигару» новый буксир.

— Вы теперь наши союзники, — шутил командир, поглядывая на Архипа Ивановича. — Что, если нас всех вместе трахнет о скалы? А? И все из-за вас.

Старшине, откровенно говоря, было не до шуток. Он неотрывно смотрел за корму, и почему-то вспомнились ему слова охотника Степана:

«Ну, повидаемся еще. Обратным-то ходом завернешь, наверное, и мне подкинешь лесу поди на новую избу».

«Пожалуй, повидаемся», — вздохнул Архип Иванович и вслух произнес: — Советовать не мое дело, но шел бы я вдоль берега.

— На скалы хочешь? — спросил командир.

Старшина молчал. Он сердился на себя за то, что в суматохе лично не проверил, как закреплен буксир.

Шторм разыгрался по-настоящему. Кажется, что может быть ласковее и нежнее воды, а поди ж ты! Волна бьет в гранит, словно тараном в стену... Только утес может противостоять такому напору. Все

созданное руками человека, казалось, должно было уступить захлестывающим волнам, сплющиться, рассыпаться, утонуть. . . Впрочем, море не стремилось поглотить все, что попало, наоборот, — зазевайся вблизи берега какое-нибудь суденышко, — моментально зашвырнет его на камни. Потому-то застигнутое бурей судно всегда бежит от спасительного, казалось бы, берега в открытое море. И там мечется среди волн день, другой, неделю, — все время, пока неистовствует море.

Кругом волны. Иные проскакивали мимо борта, ветер свистел им вслед, а они, растрепанные, летели по обе стороны корабля, другие — переливались через палубу, скрывая фальшборт. Вода по-голодному урчала, уходя за борт через штормовые портики, видимо, досадуя, что не досталось никакой добычи. Ветер, издали заметив жертву, налетает, мечет пену и свистит в ушах. Тут терпи, работай машиной, отыгрывайся на волнах и желай одного — не толкнуться бы обо что-нибудь.

Еще хуже положение корабля небыстроходного, отягощенного буксировкой. Тут не разбежишься особенно. Либо руби буксир и бросай на произвол груз, либо покоряйся судьбе и загадывай, — не заглохнет ли машина? Не распорот ли днище каменная банка?

Встречая «сигару», волны перескакивали через нее. Трое друзей цеплялись за скользкие бревна. Их часто смывало. Привязанные веревками за один кнехт, они чувствовали связь между собою, и каждый, поднимаясь на плот, помогал вылезти другому, проверяя при этом, — не потерял ли тот сознания.

Нос у Заикина посинел, натянутая улыбка делала его лицо деревянным и растерянным. Глебов тихонько хлопнул резиновой перчаткой по его голове, обтянутой шлемом:

— Ну что, романтик, о бое мечтал? Чем тебе это не сражение? Служил в матросах, послужи в русалках!

— Бревна наши хвойной породы, вода кругом соленая, вот и получают для укрепления нервов хвойно-соленые ванны, — пошутил Белобров, следя за волною, и тотчас предостерег: — Полундра!

— Ладно тебе языком-то трепать! Пусть Николаев с Грицо, глядя на нас, зубы скалят, сидя на барже-то, — мрачно отозвался Заикин, прижатый водой к Глебову.

— Им хуже, — возразил Глебов, — вылетит кто из баржи, — в пять раз выше нашего забираться обратно. Воду отливать им тоже не очень весело.

Белобров с Глебовым угадывали, что шторм не вошел в настоящую силу, но тут же утешали друг друга:

— Держись, держись, ребята! Командир не останется в море лишний час. Он на своем тральщике исходил все заливы и поставит «сигару» в надежное место. И тогда мы снимем наши костюмы. А то еще раньше сменяют с вахты. Линь-то недаром пропустили, они и шлюпку и кого хочешь к себе подтянут.

Зайкин держался. Резиновый шлем плотно обтягивал голову и лицо. От этого в висках начиналась боль и резало подбородок. Погружаясь в воду, Зайкин обеими руками хватался за скобы, угадывая величину новой волны по тяжести, давящей на плечи. С этого момента исчезали звуки, перед открытыми глазами мелькали пузырьки воздуха, увлеченного волной с поверхности в глубину. Дыхания не хватало, и казалось, — не дожدهшься, когда вынырнешь наружу и судорожно глотнешь воздуха, так что в горле его ощущаешь упругим комком.

Если отпустить скобу, — скорее выкинет на поверхность, но вдалеке от «сигары». И как ни казалась веревка крепка, все-таки страшно было, когда тебя уносит в пучину одного, потом выбрасывает так, что за гребнями волн не сразу увидишь «сигару». Оборвись что-нибудь в этот момент, когда тебя тянет вниз, и не выберешься больше на белый свет. Кроме того, жесткая веревка надавила грудь до боли. Поэтому Зайкин не отпускал скобу, стараясь удержаться возле плота.

Вдруг он увидел, что рычаг, пропущенный в петлю скрутки, качается. Моряки, опоясав «сигару» и завязав концы тросов, сделали в этом месте скрутку, плотно натянув канаты, так что они врезались в древесину.

Теперь рычаг качался. Ослабли петли веревки, привязывавшие к тому же тросу длинный конец рычага, и вот-вот веревка должна была соскользнуть. Тогда скрутка развернется, рычаг вылетит и бревна начнут расползаться. А ослабнет одно звено плота, — море растреплет другие — и «сигара» погибнет.

Сначала Зайкин хотел сказать об этом Белоброву,

но стена воды разделила их, а рычаг в тот же миг рванулся вверх, как шлагбаум. Нельзя было терять ни минуты. Заикин пополз, стараясь коленями и локтями прильнуть к скользким бревнам. Еще усилие — и он по другую сторону горба «сигары», под самым боем волн, а конец рычага качается в воздухе, грозя человеку, лезущему навстречу гибели.

Заикин ухватился за трос, — так легче было передвигаться, подтягиваясь на руках. Немного осталось до скрутки, когда его что-то задержало и не пустило дальше. Тут Заикин понял, — коротка веревка и не добрать-ся ему до рычага, не отвязавшись от кнехта.

Глебов и Белобров были еще в воде, когда Заикин, нарочно уступив смывшей его волне, подобрался к кнехту. Он дернул за свободный конец веревки, и морской узел послушно распустился. Кончилась связь с плотом. Веревка, столько раз спасавшая его, была отвязана.

Заикин вновь полз по плоту, каждую секунду ожидая удара волны. Теперь удесятерилась опасность быть смытым в море. Цепляясь за выступающий комель бревна, он высматривал точку опоры, когда гребень волны повис над его головой. Краем глаза заметив опасность, он набросил петлю веревки на комель бревна.

«Только бы не зашибло», — успел подумать он, и вода сильно прижала его к дереву, но быстро сошла.

Еще раз можно переползти на длину бревна. Опять тот же маневр. И так шаг за шагом, только не пропустить одну-единственную спасительную секунду.

— Где Заикин? — крикнул Белобров Глебову.

Оба с одной мыслью взглянули на развороченные пласты воды и пену, темневшую в наступающих грозных сумерках. И не успели больше сказать ни слова, как их уже накрыло с головою.

Теперь Заикин был возле скрутки. Свою веревку он захлестнул за рычаг и, пропуская под трос, обернул раз, другой, третий. Со всей силой он стянул узел, рычаг сел на место. Старая завязка, совершенно ослабленная, соскользнула.

Крепление «сигары» было усилено, но и сам Заикин оказался привязанным к этому месту.

Порою он впадал в забытие, и казалось, — прошла вечность с того момента, как он помнил себя. Открыв

глаза, Заикин видел неизменную корму тральщика, едва темнеющую на фоне черных облаков.

Внезапно ударил свет, ослепляя глаза и возвращая сознание. Заикин с удивлением увидел, как, пренебрегая маскировкой, на тральщике зажгли ходовые огни и осветили прожектором его и «сигару».

На корме двигались люди, что-то кричали Заикину. Не то велели что-то делать, не то бережся чего-то и показывали на «сигару» и на буксир. А «сигара» тянула корабль, и он медленно пятился.

«Значит, сила не берет», — подумал Заикин.

Обернувшись, он с ужасом увидел, что на «сигару» надвигалась громада берега. Слева высились скалы, и волны ревели у них в подножии. Баржа тоже лезла к скалам впереди «сигары». Все двигалось в обратном порядке.

«Требуют буксир отдать, чтобы тральщик мог спастись, или другое что-нибудь нужно сделать? А как ему поступить с собою? Отвязаться надо? Пожалуй, отвяжешься! Навечно скрепились мы», — усмехнулся Заикин, потрогав непослушными пальцами набухшие узлы веревки.

«Скоро трахнет о скалу!» — думает Заикин и кричит, чтобы повторили сигналы с тральщика, которые он не понял. Но ему теперь никто не отвечает.

Но что это? За скалою баржа остановилась и двигается к нему. Как будто перед носом кто-то захлопнул стеклянную дверь. Там, за стеклом, осталась буря, а тут почти нет ветра и в свете прожектора пляшут карликовые волны и даже не волны, а просто гребешки.

«Сигара» разворачивается следом за баржей, и скала уступает ей дорогу.

Открылась бухта, и какая-то лодка спешит навстречу, и вот уже чьи-то заботливые руки отвязывают и поднимают Заикина, и кто-то говорит:

— При повороте боялись, чтобы буксиром тебя не придавило.

Нехотя уходила буря, и становилось чуть светлее. На тральщике играл аккордеон. Корабль стоял обок с «сигарой» за островком. Моряки готовились слушать концерт, как будто за горбатым островком не ревели море и не было только что пережитой смертельной опасности.

Площадь сцены ограничивалась размерами крышки трюмного люка, зрители располагались кругом.

Заикин, Глебов и Белобров, употчеванные корабельным коком за все дни, сидели в первом ряду; за ними стояли Грицаев и Николаев. Обветренные лица этих пятерых резко отличались краснотой, в то время как другие из команды Архипа Ивановича, отоспавшиеся и отмывшиеся, ничем не выделялись среди матросов тральщика.

Рядом с Архипом Ивановичем сидел Степан.

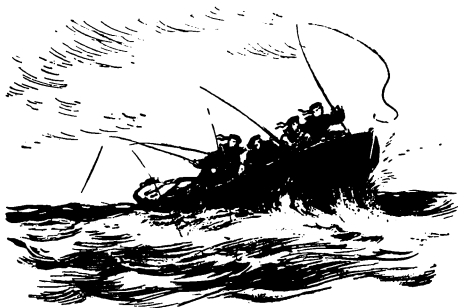
— Вот и повстречались, — говорил Степан, — в море-то вас сейчас бы расщепало. Я сам едва до шторма на ёле прибежал. Ладно угадал погоду. Но, братаня, ваш командир хорош! Не каждый так заведет «сигару». Он и течение до тонкости знает, и волну учел, и ветер. Почему он не пошел в широкие западные ворота, а полез в кривое колено? Там гибель, а тут вашу «сигару», словно в трубу тянуло, и он, как лошадь в оглобли, вогнал ее в бухту. Теперь отойдите и ходом домой.

Впервые в жизни Степан слушал концерт, азартно хлопал в ладоши после каждого номера и в перерывах что-нибудь да похваливал.

— Геройские у вас ребята, — сказал Степан, глядя на Заикина.

— А что ты думаешь? — ответил Архип Иванович.

РЫБАЦКАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

На базе появились гражданские служащие, которых, в отличие от военных, называли вольнонаемными.

Начали строить дороги, и появился дорожный мастер Тимофей Катков. Ему в диковинку было новое положение: работал пятнадцать лет во многих районах — нигде о дорогах не заботятся, а тут люди попали на необитаемую землю — и первая забота о дорогах.

С дорожным мастером Сверлов познакомился на пирсе¹. Сидел Тимофей на отбойном бруске, спустив ноги к воде, и ловил рыбу. Рядом стоял эмалированный чайник не меньше ведра, с деревянной втулкой вместо носика.

Высота стенки такая, что, если встать на край, — голова закружится. У самого пирса просвечивает мелкое дно, но с приливом картина резко изменится и вода поднимется до самых ног Тимофея.

¹ Пирс — причал.

Движения Тимофея напоминали работу ткача, гонящего обеими руками челнок в основе. Но каждый раз в его руках вместо челнока оказывалась рыба.

Тимофей не похож был на многих рыбаков, видящих в каждом приближающемся человеке прежде всего помеху; он не боялся, что Сверлов напугает рыбу или заглянет к нему в чайник, и улыбнулся.

— Садитесь рядышком, чай, ведь знакомые, хотя издали, но знакомые. Может быть, хотите позабавиться, а то мне покурить не дают. Ловите, пока можно, — сказал Тимофей, предлагая удилище — довольно корявый прутик, привязанный к выструганной рейке и своим кончиком намного не достающий воды.

— А что, брать перестанут? — спросил Сверлов.

— Нет, наоборот, больше подойдет рыбы, да нужно до дна доставать, а идет прилив, — будет глубоко.

Сверлов улыбнулся, подумав про себя: «Пирс не всплывает, от верха пирса до дна расстояние не изменится, независимо от колебания уровня моря». И спросил Тимофея:

— Почему потом не достать дна? Оно ведь не опустится? ..

— По теории правильно, на практике — леска коротка, — объяснил Тимофей. — Сейчас опустил удилище — и вся система хватает до дна, а потом не будешь удилишко засовывать в воду.

— Резонно, а сразу в голову не придет, — согласился Сверлов.

Тимофей закуривал, зажав удилище в коленях. Был он курчав, с густой бородкой и усами, и разговорчив. Оборачиваясь к собеседнику, Тимофей всегда улыбался. Его брови, как бы раз навсегда поднявшись от удивления, так и остались приподнятыми. Светлые глаза доверчиво смотрели на всех.

— Бычков, как скот, справедливо считать по головам. Отрежешь башку — у подлеца останется один хвост. Вкусен, но отходу много. И дурак к тому же... Вы думаете, — там у меня наживка? Ничего подобного! На наживку за час можно наловить ношу рыбы. И на голый крючок уже поймался!

С этими словами он стал поднимать удилище, и как только оно встало вертикально вверх, — перед носом Сверлова очутился пинагор.

— Вроде бы ерш, но страшнее, а в пропорциях похож на лягушачьего головастика. Пятнистый, словно леопард. Когда рот разинет, — внутри кажется красным. Словом, рыбка создана для того, чтобы рыбаков пугать по ночам. Каждая тварь приспособляется к месту по-своему. Вот у него снизу присоска, которой он держится за дно. Благодаря этому его прибойная волна не ударит о камни, и он дежурит возле самого берега, где пищи больше.

Расписывая пинагора, Тимофей тянул второго.

С той поры Сверлов потерял покой и не один раз говорил Архипу Ивановичу:

— Вон человек по ведру рыбы налавливает за один час.

— Да и нам бы довольно сидеть на хлебниками на казенных харчах, — соглашался Архип Иванович. — Интендант из главной базы и то говорит: «Есть просите, а сидите на хлебе: треска под ногами. Не пайковая, соленая-пресоленная, а свежая, какую многие за всю жизнь не видели и после не увидят, как уедут от моря по домам».

— Так в чем дело?

— Командование говорит, людей нет лишних, чтобы посылать на промысел. Ловить некому и не на чем. Ошибочно это.

Больше ничего Архип Иванович не сказал, но разговор этот имел свои последствия.

В бухточке у подножия скалы, на которой стояла казарма, вытаяла из-под снега рыбацкая ёла. Ее в прошлом году со льдом принесло течение, а хозяйственные моряки мимоходом выдернули лодку на берег, чтобы прибоем не разбило окончательно. Ёла была сильно разбита, но еще не гнилая.

Кто первый начал ремонтировать ёлу, — осталось неизвестным. Но с некоторых пор, после ужина и даже до утреннего подъема, в бухточке собирался народ. Освобожденных от работы лекпом и в дневное время находил возле ёлы, — у всех посещавших бухту горел в сердце рыбацкий огонек.

Ёлу поставили на городки, ее конопатили, укрепляли днище добавочным настилом и строили навесик — подобие каюты.

Внезапно возле ёлы возник громкий спор: какой

двигатель на нее ставить — дизель или бензиновый мотор?

— На качественное горючее нам нечего рассчитывать, — предупреждал длинноногий моторист Журавлев.

Его поддержал механик Сверлов и выступил перед собравшимися с речью:

— Наше спасение в том, что отечественная промышленность выпускает стандартные двигатели. Что выбросят другие — всё нашей «Марии Египетской» должно быть впору; потому предлагаю ставить самый распространенный двигатель. Придется нам сделать что-то вроде морского трактора. И то хорошо, что солдат солдату друг повсюду; на свалке не найдем, так выпросим нужную деталь.

Механики задерживали спуск лодки, но и трудиться им под руководством Сверлова пришлось больше всех: мало достать изношенные части, нужно их еще подогнать друг к другу и заставить работать. Без изобретательности этого не сделаешь.

Мотор — мотором, а предусмотрительные люди готовили весла.

Другие составляли нехитрую рыбацкую снасть: из обрывков телефонного провода вязали стометровые лесы, из толстой проволоки делали лучок, или коромысло, к которому привязывали свинцовый груз в два-три килограмма весом. Мастерили крючки, похожие скорее на багор. На крючок припаивалось подобие рыбки, и соединялся он с коромыслом метровым поводком. Все вместе взятое называлось поддевом.

Фельдшер предложил сделать снасть похитрее — вроде пульки, на которую ловят лосося. Там в свинцовую шляпку впаивается зеркальце. Дескать, посмотрится лосось в зеркальце, увидит самого себя, удивится и хватает.

— Тут надо впаивать целое трюмо, чтобы каждая треска успела посмотреться, — отвел предложение маляр Козлов и напомнил о своем: — Надо бы покрасить лодку и название написать. Где кто увидит остатки краски, — не брезгуйте, сливайте в банку. Пусть будет красная, синяя, черная, белая, желтая — самая разноцветная! Все смешается, и получится защитный цвет «нейтральтин».

Не забывали о краске, но больше всего рыбаки заботились о горючем. Не будет горючего — ёла не пой-

дет, пускай будет выкрашена в небесно-голубой цвет и какой бы на ней ни был поставлен двигатель.

Усердно собирали остатки соляра, мазутные подонки и невесть что и всё сливали в бочку. Журавлев косился на бочку, потом написал объявление: «Смолу и деготь не лить! Остальное прежде пробуй на спичке, — горит или нет».

Бочка наполнялась, а Сверлова взяли сомнения. Он перемешал все как следует палкой и пробу отнес химику топливного склада на анализ.

«Это какая-то неизвестная лунная жидкость, — написал тот. — При отстое расслаивается. Горение в топке под котлами возможно».

Сверлов прочитал и только рукою махнул:

— Важно подогреть и процедить. Собирай, ребята!

Сверлову пришлось ввести усовершенствование: под бачком с горючим он приладил примус, а на сливной трубке — ситечко, и инструктировал, чтобы для равномерности смеси в бачке перемешивали.

Наконец наступил день спуска на воду. Еще на стапелях опробовали двигатель, и оказалось, что такого грохота сами механики никогда в жизни не слышали. А уж копоти — клубы! Только голова Журавлева видна снаружи.

— Мы так треску копченой привезем, — сказал Топорков.

— Давай керосину — пылинки не будет, — кричал в ответ Сверлов, совершенно скрытый в клубах дыма. — Вы не бойтесь! На ходу копать будет за кормой.

Фельдшер смотрел, смотрел на все это и сказал:

— Ну и кочерга!

И как ведь бывает в жизни! Сколько спорили о названии лодки — и «Мария Египетская», и «Касатка», и «Тайфун», — а тут сразу привилось слово «Кочерга» — и никаких гвоздей!

Решили для пробы пройтись на «Кочерге» по рейду.

На рейде тишина. Как влитые в голубое стекло, стоят корабли, на палубах ни души, только на мостиках дежурная служба. Тут и вышла «Кочерга». Все наверх высыпали. Полностью команды собрались у бортов.

— Это что за трактор? Кто вас разрешил? — спрашивает дежурный по рейду. И семафором приказал: «Чтобы вас не было!»

Дежурный по рейду — хозяин рейда. Его большие корабли слушаются: где прикажет, там и стоят. Пришлось «Кочерге» убраться в свой закуток.

Начались разговоры и расспросы: кто? что? откуда?

Доложили командиру базы; тот вызвал Архипа Ивановича, посмеялся, а потом сказал:

— Добро, ловите рыбу. Только пусть вас осмотрят в плавмастерских.

В отделе плавсредств «Кочергу» сначала не регистрировали: паспорт на мотор никак не заполнить. Потом написали: «двигатель — плавучий трактор». Дали «добро» на выход и посоветовали держать связь с отрядом водолазов.

— Это не «Кочерга», а настоящее чудо, — сказали Сверлову на прощание, — а второе чудо будет, если не утонете.

При первой возможности «Кочерга» пошла. Чем дальше она двигалась от берега, тем меньше становилась. Вот она проходит в «ворота» между двумя островами, вот идет по заливу и выходит в море, вот и не видно ее за волнами, а треск мотора все равно слышно. Сначала звук был такой, словно по жестяным волнам тащили железный брус, потом как будто кто насыпал гороху в консервную банку и встряхивает на разные лады.

Сверлов следит за мотором и управляет штурвальчиком, Журавлев в бачке размешивает горючую смесь, Тимофей сидит на «банке», а Козлов с Топорковым забрались в носовую часть и уже разматывают лески.

— Погодите, ребята, не во всяком месте успешно ловится треска, — удерживает их Сверлов, — я уж этот аквариум знаю. Тут глубины тридцать — сорок метров, и треска будет в полкилограмма; считайте сантиметр роста в рыбе на метр глубины. Зайдем за мыс, там метров сто глубины... вот где настоящие рыбаки берут рыбу без осечки. Попадает треска на тридцать два килограмма в каждой штучке.

— Слушай-ка, Геннадий Иванович, а вражеская подводная лодка не встретит нас здесь? — спросил Тимофей у Сверлова, когда тот заглушил мотор и ёла начала безвольно покачиваться на ленивой волне.

— Милый мой, если они узнают, что это мы, им нет смысла обнаруживать себя ради нас. А потом

сообразил: если тебя посадить на подводную лодку, — пойдешь ли ты на всплытие, когда наверху невеста что барабанит в сто моторов? На худой конец они сочтут нашу ёлу за морского охотника новой конструкции. Кладу голову в заклад, что, если есть тут лодка, она лежит на дне, потому как полагает наличие у нас акустики и глубинных бомб. Давайте ловить; через два часа прилив, а на нашем «вездеходе» лучше возвращаться с попутной водой.

Почин сделал Журавлев. Размотал он лески метров девяносто, чувствует, дошло грузило до дна. Подтягивает он леску обратно на два полных взмаха руки и начинает: раз-два! — дернул кверху и опустил. Раз! И чувствует, — там на крючке повисла тяжесть.

Вытянул несколько метров лески Журавлев и насто-рожился, расставив длинные ноги.

— Ты чего? — спросил Сверлов.

— Боюсь, чтобы не сошла...

— Первые пятнадцать-двадцать метров тяни быстро, а потом никуда не денется. Вот увидишь, как она наверху себя чувствует.

Журавлев выбирает леску, и все с любопытством смотрят на воду. Пока выберешь девяносто метров лески, — руки устанут. Журавлев торопится, а в воде все еще ничего не видно.

Но вот словно мелькнул в глубине фарфоровый черепок, а сколько до него, на какой глубине он, — не угадать. Потом заболталась в воде длинная белая полоса, это отвечивало брюхо трески.

— Давайте багорчик, — просит Журавлев, а сам запыхался от усталости и волнения.

Вывернулась трещина, длинная и раздутая, как бревно. Всплыла и не тонет, не шелохнется, только в такт с лодкой качается на волне.

— Давай же, давай багорчик! — просит Журавлев, а ближе рыбу не подтаскивает: увидел, что крючок едва зацепил ее за хвост, и испугался — «вот уйдет!»

А Сверлов, словно рыбацкий профессор, объясняет: — Теперь от перемены давления треска находится в бесчувственном состоянии, она как бы в обмороке. Попробуй поднять водолаза сразу на сто метров, — для него такой эксперимент кончится смертельно.

Рыбалка оказалась тяжелой работой. Руки немеют,

спина устает, но ловля не прерывается. Каждую минуту кто-нибудь тянет, а то двое или трое вытягивают одновременно. Треской завалена палуба, как называли днище ёлы.

Тимофею было сильно не по себе от качки, но, как только он увидел первую рыбину, — забыл о болезни и сразу схватился за поддёрв.

Вытаскивая треску, он не переставал любоваться каждой штукой.

— Вот рыба так рыба! Чешуя блестит, мясистая, тяжелая, колючек нет и ротик аккуратненький. Все-то у нее как следует.

Ёлу тем временем относило течением. Но как только она сошла с глубоких мест, треска стала ловиться более мелкая. Сверлов завел мотор и повернул ёлу от берега.

Вновь довольно далеко отошли в море. Отсюда скалы казались низкими, берег тянулся ровной линией, только лишь отдельные сопки вырисовывались на фоне голубого неба.

На голой вершине горы вдруг сверкнула искра. Как будто сталью высекли из кремня. Чуть стороной прошуршало вверху, следом пронесся гром выстрела, на горизонте вода взметнулась столбом, и оттуда долетел затяжной удар разрыва снаряда.

— Ой, ой! Сколько пудов железа гудит! — вздохнул Журавлев.

— По щиту бьют, стрельба учебная, — объяснил Сверлов оробевшему Тимофею. Тимофей разглядел далекое белое пятнышко паруса на плоту, похожее на крыло чайки, и сказал:

— Подъехать бы туда да собрать .. Ведь наверняка там массу рыбы набили...

— Кабы самим с треской не перевернуться за компанию. Давайте ловите, нам и эту не увезти, — ответил Сверлов, вытягивая рыбу.

Иногда рыбина срывалась почти у поверхности, но все-таки всплывала, течением уносило ее, а чайки садились прямо на треску.

— Скоро за сапоги будет попадать! — восхищенно говорил Козлов, когда от наваленной рыбы трудно стало передвигаться в ёле.

На замутневшем небе со стороны моря показалась

радуга. Концами упираясь в волны и как будто плывя, она приближалась к рыбакам.

— Вот пройдем под радугой и уж наверняка до вечера не будет дождя, — сказал Журавлев.

— Как райские ворота, — заметил Тимофей.

Словно дразня, радуга перестала приближаться к лодке, и расстояние до нее долгое время не изменялось. Потом внезапно радужные ворота побежали навстречу, сначала медленно, затем быстрее. Радуга стала поворачиваться, один конец полукружия обогнал лодку, прошел мимо, и ударил дождь.

— Вот тебе и въехали в райские ворота, — буркнул Сверлов.

— Говорили, — радуга никогда не обманывает, — сказал Тимофей, ошеломленный внезапным душем.

— А вот и верно! Ее нету, — показал Топорков рукою.

Оглядываясь кругом, Тимофей нигде не мог найти следов радуги, видневшейся за минуту до того. Вместо голубого неба серая пелена дождя, все больше плотнеющая. Следом за этим рванул ветер, но не разогнал дождь, а лишь поднял волну и погнал лодку в море.

— Сматывай удочки! Пора! — сказал Сверлов, хлопнув крышкой часов.

Ела шла еще только по заливу за островом Безымянным, а треск ее уже давно слышали на берегу.

— Вот пешеходы! — улыбнулся дежурный по рейду. — Придется в таблицу внести новые опознавательные знаки.

Встречать «Кочергу» вышла целая процессия, и всех комбат заставил таскать рыбу.

Ящики и корзины ставили на весы, кладовщик записывал и доложил комбату итог: «Шестьсот без пяти килограммов!»

— Ого! Пять человек... по сто двадцать килограммов на одного за три часа! Выгодно вас отпускать! Звоните по соседним частям, чтобы приходили за свежей рыбой.

Сразу пошла слава о «Кочерге». Кто присылал за рыбой, кто забегал в кают-компанию попробовать поджаренной; всем подавался аппетитнейший зарумяненный кусок рыбы, величиною с тарелку. Но больше всего было охотников самим половить. И хотя стук «Кочерги»

можно было слышать в любую погоду, — желающих порыбачить набралась длинная очередь.

Кроме рыбалки, «Кочергу» стали посылать на выполнение заданий: то отбуксировать щит для учебной стрельбы артиллеристов, то вывести с мелководья сорванные штормом звенья бонового ограждения.

— Этот каботажно-мелевой вездеход всюду пролезет, — смеясь, сказал начальник рейдового поста, наблюдая в бинокль, как между маленькими островками Медведком и Грибком, где в отлив бывало сухо, ёла протаскивала понтон, давно лежавший на камнях.

— Так нам, пожалуй, скоро и флаг дадут, — ухмыльнулся Журавлев.

Работа отнимала время, которое можно было использовать для рыбалки, но Сверлов был только рад и говорил:

— С этими поручениями нас зачислят на боевое снабжение, а значит, и для рыбалки будет хорошее горючее.

Бочку из-под «лунной смеси» поставили на лодку, и ёла, следом за эсминцем, подошла к пирсу, где по шлангам перекачивали нефть в корабли.

— Эй, на борту! — крикнули со стенки. — Сколько вам? Тонн пятьсот?

— Сто тысяч граммов, — ответил Сверлов с серьезным видом.

ТУЗИК

Базовый поселок вклинился между скал у самого, как говорится, синего моря. Только море было не синее, а скорее зеленое.

Накатывает море спокойные волны на берег, завивается вода вокруг камней, словно прозрачное кружево, а в завитках блестят пузырьки воздуха.

В бурю к морю лучше не ходи: в бешеной пене не разберешь ничего, только дикий рев да удары слышны оттуда. Таких дней на севере больше, чем спокойных. Тундра и скалы так обдуют ветром, что, глядя на них, бури не замечаешь: ветер валит с ног, а скалы и щетина кустарника, закрученного, словно проволока, не шелхнутся. Жестка земля.

Зимой в белых бескрайних равнинах и не разглядишь ничего, — глазу остановиться не на чем. Весною чуть зазеленеет тундра, на болотцах поднимается щетинка молодой осоки, откроется вода в озерах, а скалы всё еще стоят не одетые. Только осенью тундра зелена по-настоящему. Но едва растительность войдет в силу, — хватит мороз. И развернутся багряные, голубые, красные и пламенно-желтые ковры. Это брусничный лист

и морошка, кусты черники и лишайники укрыли каждый склон, каждый камень, как разноцветные шелка.

В этих пышных коврах спелые ягоды. Даже грибы! Вот уж чего не ожидаешь встретить в Заполярье, так это грибы.

В ярком наряде, не успевающем завянуть, уйдет земля под снег. Ждешь по весне проталин с цветными узорами, а они, глядишь, вылиняли и стали серого цвета.

Берег морской извилист, с заливчиками, бухточками, в уступах и мысочках. Сливаются море и тундра, как две сцепленные зубчатки; одна шлифованная, гладкая в тихую погоду, в вечном движении, другая тяжелая, неподвижная, но в лучшее свое время цветистая.

Иди, кажется, век по этой земле и не встретишь человека. Но не так это. Редко, очень редко расположились рыбацкие становища, пешком не пройти от одного до другого, но есть они. Устроились в бухточках. Тут море спокойнее и тундра ровнее, приветливее.

Пришел раз корабль на базу, и прибыл один пассажир без документов. Как вы думаете, кто это был? Это был Сережа. Его мать приехала работать в парикмахерской базы, и Сережа оказался первым мальчиком среди жителей нашего полуострова.

Флотские мастера сшили ему кое-какое обмундирование. И вот Сережа в матросской бескозырке с ленточками, в бушлатике; лицо красное от ветра, нос пуговкой, а руки в «цыпках».

Увидел Сережу начальник тыла и огорошил Архипа Ивановича:

— Привезенного леса хватило на постройку пирса, остатков хватит на школу, — сказал начальник тыла.

— Это для одного мальчишки школу? — возмутился Архип Иванович.

— Почему для одного? Будет больше. Местные своих привезут из тундры. Всем школа нужна. Надо строить, — заключил начальник.

Целый день Сережа на улице; как тихая погода, — нет его нигде, как ветер и волны, — напролет целый день крутится тут. Играет один, воюет один, охоту придумает — все один. Воевать Сереже было интереснее всего.

На самом деле — тут кругом фронт, за каждым островком мог прятаться враг, за каждой волной —

вражеский перископ, за каждым вершком горизонта — дымки вражеских крейсеров или точки самолетов.

Враги чаще бомбили рейд, но попадали и по берегу. Никогда Сережа не прятался, и — только защелкают зенитки — он на берегу, на самой высокой скале, чтобы лучше было видно.

Порой самолет, как гривенник, блестит в небе, а вокруг него черные и белые дымки разрывов. Стоит Сережа, задрал голову, и думает:

«Эх! Дали бы мне разок выстрелить из пушки — одним бы снарядом сшиб».

Зато уж когда зенитчики попадут или наши истребители успеют накрыть налетчиков и враг повалится через крыло, дымя, как головешка, радуется мальчик больше всех и громче всех.

С горы Сережа окинет взглядом все приземистые базовые постройки, не отличимые от скал, и придет, как по своим владениям.

По шоссеиной дороге дойдет до пирса и еще замечание сделает, что угол брезента на штабеле груза не худо было бы закрепить получше, а то ветром сорвет. По узким тропинкам, выющимся меж камней, зайдет на инженерный склад, побывает в котельной, бане и доберется до конюшни. Если тут встретится с Архипом Ивановичем, — разговору у них хватит на-долго.

Нравился Сереже клуб с просторным деревянным крылечком, обшитый новыми досками и выкрашенный Бордюжей по-боевому: отдельными пятнами, так, чтобы с воздуха больше походил на грудку камней. Особенно интересно в клубе, когда механик перематывает киноленту.

Или придут на базу упряжки оленеводов. Сначала Сережа удивился, — как это летом на санях ездят? Но сразу же понял, что на колесах по тундре не проедешь, и встречал приезжих, как старых друзей.

Или попросят куда-нибудь сходить с поручением, — в каждом месте удавалось чем-то помочь.

Вот если уж совсем нечего делать, — Сережа строит укрепления впрок. Достал телефон, установил дальномер. Порой думаешь, — как только он терпит на ветру? Руки замерзнут, нос посинеет, а он ничего не замечает.

— Иди, Сережа, домой, — говорю я, а он в ответ:
— Чего я дома буду сидеть? Мама только вечером придет. Она работает.

— Голодный ведь ты.

— В Ленинграде голоднее было!

— Хочешь хлеба?

— Давай.

Голодным Сережа, конечно, не был: угощали его все, а он ни от чего не отказывался.

Подарили ему маленькую лодочку — тузик. Кажется, только ребенку плавать на ней, а холят с такими тузиками на звероловный промысел. Охотник где польнью переплывет, где лодку перетащит через льдину и так доберется до лежки морского зверя.

Свою лодку Сережа мог сам стащить в воду и катался вдоль берега. Не было вблизи такой губы и залива, где не побывал бы Сережа.

Знал он, где кайры водятся, где чайки кладут яйца, видал и тюленей. Вот почему в тихую погоду нельзя было найти Сережу на суше.

Твердо запомнил мальчик, что выплывать за остров ему нельзя: не хватит сил выгresti против течения — и унесет его в открытое море. Во время отлива Сережа тоже был осторожнее, а вот прилив — это его время. И плавать спокойнее и прибрежные камни глубоко под водою.

— Утонешь, Сережа, — говорили моряки.

— Хм...

— Смотри, тебя о берег стукнет.

— Ну и что, меня о камень, а я на камень выскочу.

Идет по рейду спокойная зыбь, а на воде качается темная точка — это он.

Растет наше население, растут укрепления, прибывают новые люди, других перемещают с места на место. Должен был и я получить новое назначение, но пока числился в переходящем взводе. Тут-то мы с Сережей встречались частенько.

— Ты кто? — спросил меня Сережа.

— Я связист. Хочешь, научу тебя разговаривать по телефону? Берешь трубку, вот так, вызываешь...

— Подумаешь! Я и рацию знаю, — обиделся Сережа.

— А вот винтовку не знаешь.

— Знаю. Я затвор разберу. Давай покажу.

— А полковника от капитана первого ранга не отличишь.

— А какой полковник — армейский или береговой?

— Флотский...

— Ну так по погонам видно... нет, в самом деле, давай винтовку почищу...

— Нет, Сережа, помощников в этом деле не полагается. Если бы увидел командир взвода, он бы мне такое замечание сделал, — долго не забыть. Вот получишь свою, — начистишься.

Попрощались мы с Сережей.

— Завтра я уйду, — сказал я накануне своего ухода на пост службы наблюдения.

— А я знаю, куда ты идешь.

— Куда?

— Всё равно я слышал...

— А как туда дорога? — схитрил я.

— Туда дороги нет. Иди прямо от столба к столбу. Я к тебе в гости приплыву.

Ай да Сережа! Он, может быть, раньше меня узнал о моем назначении! Так и пришлось идти, как он сказал.

От столба к столбу по бесконечной тундре тянется тоненькая ниточка связи. Бесконечен и безлюден берег, да каждый вершок его охраняется и просматривается — моряки несут службу наблюдения и связи.

Военная служба переменчива. Вот получаешь назначение и идешь по незнакомому краю, — кажется, не будет тому путешествию конца.

Пока надо послужить на берегу, на корабле еще послужим. Скоро опять, может быть, удастся уйти в море... Будут же вступать в строй новые корабли, да и нашу коробку со дна поднимут. Без хорошей базы кораблям не на что опереться в своих действиях. Надо послужить на базе... В этом мое утешение.

Иду, столбы считаю. Столбы низкие, а поставлены прочно. В мерзлоту столб не вкопается, так он до половины высоты обложен камнями.

На столбах сделаны какие-то непонятные для меня заметки, к одному привязаны оленьи рога. По этим-то столбам тянется ниточка связи — провод, который нужно беречь пуще глаза. И днем и ночью, зимой и летом, в любую погоду немедленно найти обрыв и соединить

провод. Теперь уже это мое хозяйство, смотрю на ниточку, а она тянется и тянется.

Шагать трудно: то увязаешь по колено между кочек, то пробираешься по гребням камней. Камни будто кто-то нарочно мостил остриями вверх, а в щелях отдается гул подземной пустоты. Прислушаешься — местами тоненько журчит вода, пробивая под камнями свою дорожку к морю. Переходишь такое русло, обдирая сапоги, срываясь, а перед тобою стена валунов. Некоторые камни невысоки, всего в твой рост, да попробуй влезть на них.

За плечами у меня винтовка, продовольствие и весь вещевой аттестат, то есть все обмундирование, которое мне выдали за эти годы. Хорошо, что постельные принадлежности не пришлось тащить.

Но вот и домик!

Старшина второй статьи Костров встретил приветливо.

— Здорóво, здорóво! Явился, наконец. Мне уже телефонистки твои приметы рассказали: высокий, стройный, нос прямой, волосы длинные черные. . .

— Виноват! Голова обрита наголо. В этом девушки ошиблись. Сережина мамаша меня побрила.

— А-а, Сережку помню! Ну, раздевайся!

Ставлю винтовку, снимаю мешок.

— Вот твоя койка. Хочешь, могу поменяться, — говорит Костров.

Койки расположены в два этажа, как полагается во флотском кубрике. Только койки тут обыкновенные, железные, и ножки верхней прикручены проводом к спинке нижней. Мне все равно, — первый или второй этаж, и выбираю свободный — верхний. Тесно в домике-кубрике. На свободной от коек стенке телефон, напротив дверей — окно. У окна столик. В углу, к дверям жметя печурка с плитой. К домику пригорожены сенцы, с умывальником на дощатой заборке, в котором замерзает оставленная вода. Вот и все жилье.

В мешке у меня газеты и письма для Тихона Кострова.

— Надо к летчикам сходить, — говорит Тихон. — По дороге хозяйство наше посмотрю. Там и для тебя есть письмо из Москвы. Чего удивляешься? Тут тебе не Москва, а Заполярье: почта ходит «молнией».

Сказал и пошел.

Мы между небом и морем, на «малой» земле, и письма к нам доставляют самолеты и корабли. Но все равно — рано мне получать письма по новому адресу. Старожилы жалуются, что по заполярной «молнии» почта иной раз идет месяцами, а тут, видно, подвернулась уж очень счастливая оказия.

Спустился Тихон в долину, остановился на сухих камнях и кричит мне:

— Эй, москвич! Тут под камнями ручей течет, а воду берем ниже.

Посмотрел я, там, где ручей выходит из-под камней, — омуток. Дальше течет он, как и полагается ручью, и болотинки попадаются, а кончается у моря настоящим водопадом.

Посидел я один, проверил слышимость на линии. Все разговоры идут мимо меня. Вспомнил Сережу: так же разговоры взрослых обходят его. Вокруг разговаривают между собою все время, а с ним — редко кто, и то от нечего делать. Вот и сейчас освободилась линия, телефонисткам скучно, — звонят ко мне:

— Москвич пришел?

— Он самый...

— Костров ушел?

— Ушел.

— Ну сиди, привыкай к берегу. Кончаю, оперативный дежурный вызывает.

Вижу в углу лыжи, еще не оснащенные. Нужно приняться за дело и прикрепить ремни. Наладил лыжи вовремя.

К вечеру закружило, дождевая туча разразилась снегом. Сначала сильно потемнело, а потом все сделалось белым. Снег как будто не хочет опускаться и все вьется над землей. Вдоль линии видно первый столб, второй чуть маячит, а третий совсем не разглядишь.

Вернулся Тихон, до глаз залепленный снегом. Первый вопрос:

— Оповещения были?

— Никаких оповещений...

— Ну чего улыбаешься? Говорил, что тебе есть письмо. На, получай!

Как-то тепло держать в руке треугольный конвертик;

улыбка у меня еще шире. А Тихон пристраивается у огня. От снега по полу идут потоки талой воды.

Распечатываю письмо.

«Дорогой дядя Толя!

Мы живем хорошо; а как живешь ты? К Вальке с нашего двора приехал брат. Носит два ордена. Много ли у вас получают орденов? Чтобы Валька не задавал-ся, я ему сказал, что ты тоже герой...»

— Вот племян меня за героя выдает, а какой я герой! «Много ли у вас получают орденов?» Пожалуй, на нашем участке отличишься...

— Не по месту, а по заслугам награждают, — отвечает мне Тихон и читает предложенное мною письмо.

— А твой племянник молодец: «Учиться, — говорит, — надо каждый день, чтобы быть готовым к подвигу». Не сам, возможно, придумал, но услышал правильно.

Он сушит одежду, вновь выходит наружу и еще раз спрашивает телефонисток относительно оповещения о самолетах.

— Чудиться, что ли, стало? — недоумевает он.

За ночь домишко замело вместе с крышей. Снег мокрый и очень плотный. Мы пробили ход. Лезешь в снеговую пещеру, а попадаешь в дом. Там тепло, и радио передает московский концерт. На улице, впрочем, не холодно. Тишина, и уходить не хочется.

— Снег сойдет, — говорит Тихон. — Мягкая погода будет — снег растает, а при жесткой — сойдет.

Здесь понятие о жесткости погоды получается от умножения числа градусов холода на скорость ветра. Скажем, два градуса холода на двадцать метров скорости ветра в секунду. Вот и получается жесткость климата, когда без мороза ветер сечет кожу на куски.

— Кабы не эта жесткость, у нас в Заполярье, да еще около Гольфстрима, было бы теплее, чем в Ленинграде, — уверяет Тихон.

— Стает снег или нет, а пока надо домик откапывать.

— Пускай полежит снежок; нам прогуляться надо, — заявил Тихон.

— Куда же мы пойдем?

— Рыбачить. В ручье должна быть замечательная форель, — говорит он, а сам берет винтовку и телефонный аппарат.

Когда-нибудь же должен Тихон объяснить: что его беспокоило ночью и о какой рыбалке бредит он? Но сейчас не до расспросов; Тихон не отвечает и подгоняет меня.

Подъем вдоль ручья труден. Поперек пути на каждом шагу попадают валуны. Порой ручей исчезает под снегом. Тут, как говорит Тихон, его легко переплюнуть. В самом деле, ручей незавидный, и непонятно, как в нем может жить порядочная рыба. Водопад у моря оброс седою бородой из сосулук. Дальше, вверх по ручью, через каждые двести метров пороги. Тут-то и ютятся форель в небольших впадинах.

Наконец остановились. Перед тем как закурить, Тихон долго осматривается.

— Понимаешь, — начинает объяснять он, — эти порожки то промерзнут, то вновь зимой вода прибудет, омутки уже тоже позамерзали, и бежит вода поверх льда. Вот тут и поживи на месте рыбки. Под снегом такую воду не заметишь и, не зная ручья, промочишь ноги. Это плохо.

— Почему зимою вода прибывает? Ведь снег не тает?

— А что, я вижу, что ли, что там делается, под снегом-то? Может, воду морозом выжимает из вечной мерзлоты, — говорит Тихон. — Это тебе Заполярье, а не Москва! Каждый год бывает по-разному.

Спорить с ним не приходится. Действительно, Заполярье — не Москва. Как тут проверишь? Может быть, и не будет нынче такого, а Тихон скажет: «Год — другой». Много неразгаданных загадок встречается в Заполярье.

— Если зимою воды много, то весною ее меньше?

— Весною вода идет валом, вот до этих мест, — показал Тихон на скалу, метра на четыре выше головы.

Сидим на камне и слушаем тишину. Вдруг что-то колет в шею. Комар!

— Да, комары, — спокойно отзывается Тихон. — Как только они, дьяволята, из-под снега выбираются...

— Но послушай! Снег — и вдруг комары! Должны они замерзнуть.

— На корабле ты совсем от берега отвык, — смеется Тихон, — под снегом-то им тепло. А потом, что же снег... это не московская зима, а Заполярье: воздух-то теплый.

Воздух действительно теплый, неподвижный. Но через секунду заметно легкое движение, а через минуты две уже вполне ощутим ветер, и вот уже дует и дует, гонит волны поземки. На открытом месте они медленно перекатываются, будто снежная пелена выворачивается наизнанку. С наветренной стороны скал снежный сугроб растет, да так и остается в неподвижных, причудливых, как бы застывших формах. Лыжные следы наши уже засыпало. Мы забились меж камней в щель.

Ветром не прохватывает, но снегом залепляет глаза. Ощущение довольно противное: по лицу течет вода, дышать трудно, — нос и рот залепляет снегом. Будто ветер мешает тебе выдохнуть из себя воздух.

Через пять минут стихло, «заряд» прошел. Только снежные гребни переместились да кое-где оголились камни. Словно произошла смена декорации в театре.

— Зачем ты привел меня на ручей? — спросил я Тихона.

— По ручью дорога к морю. Если бы ты заблудился, то как бы ты пошел? Пошел бы по ручью.

Меня это начинает злить.

— Обожди сердиться, — говорит Тихон. — В пургу я будто слышал шум мотора. Теперь думай сам. Если не было оповещения и не приказано оказать помощь, то, может быть, я ослышался. А если не ослышался, то не наш самолет пролетал здесь и, может быть, сделал вынужденную посадку. Я, по глупости, тебя, как нового, постеснялся. Скажешь — пискнул комар, а он тревогу поднял. Пошли искать, пока опять не «заядило».

Понятно теперь, о каких оповещениях спрашивал Тихон и что его беспокоило.

Мы на следу. Чужой самолет занесен снегом до верхних плоскостей крыльев. Летчик ушел. Второй пилот убит.

— Где же следы? Даже своих теперь не найдешь.

— Откроются, — говорит Тихон, — надо искать. Пойдем по обоим берегам ручья, по самым буграм. Видишь, как рыхлый снег сдувается ветром, а там, где он примят

шагами, — остаются кочки: не ямками, а бугорками обозначаются следы. Их и надо искать.

Пока мы отсиживались в щели да путались по летчиковым следам, Сережа тоже попал в «заряд».

Задумал он в последний раз в этом году прокатиться на тузике и забрался к нам в гости. Плывет себе Сережа и плывет между островов, вдоль скал, по заливам. Тут ему памятен каждый поворот, каждый коридорчик между камней.

Вот знакомый островок. Кроме Сережи, никто сюда не забирался, и земля тут когда-то чернела от ягод. Тут нетронутые червями грибы выростали с картуз; за островом в длинной и кривой, как стручок, губе хорошо ловилась на удочку треска. Стоило только набрать под камнями горбатых многоногих рачков-мормышей, которых Сережа по-своему называл «бармашами», и с этой насадкой только успевай закидывать крючок.

За горбатым мыском всегда бывали утки. Взлетали они хлопотливо, но очень медленно, почти задевая хвостами воду, и опять садились поблизости и плыли. А если их догонять на тузике, — начнут нырять.

Теперь уток нет, нет косяков рыбы и не покажет рыжие бока косатка, преследующая рыбу. Не увидишь и тюленя. Нет чаек, и замолк птичий базар.

Этот снег еще сойдет, но скоро начнутся морозы и вдоль берега вырастет неприступный ледяной барьер, на который невозможно подняться с воды.

Далеко забрался Сережа и уж никак не ожидал пурги. Он, как мы, пересидел «заряд», спрятав лицо в колени, и, как затихло, решил сразу поворачивать к дому.

Мы увидели его издалека, когда он пересекал бухту.

Холодно, неуютно в бухте. Ветер нет-нет, да и навалится на воду, сорвавшись с высокого берега, а волны всё никак не успокоятся, лижут гранитный темный утес, который мальчику непременно надо объехать. Вот и наша линия. Вот следы, которые мы искали. Следы пересекают линию, и враг в этом месте вырезал кусок провода.

— Чини, — сказал Костров, сбросил телефонный аппарат и побежал дальше.

Обрубленные провода спиралью вьются по земле. Ветер относит их в сторону, и они шевелятся, будто

живые, словно стремятся вернуться на место и соединиться вновь.

Включаю телефонный аппарат, проверяю связь. Мне отвечает штаб и аэродром.

Смотрю на Сережу и не пойму, — зачем он возвращается обратно? Должно быть, его Костров позвал. Раз позвал, — значит, случилось что-то. Надо догонять Кострова. Аппарат пускай тут пока постоит.

Тихон подвигался медленно: из-за каждого камня могла прилететь пуля. А я по его следам добежал в два счета, и видно мне с высокого берега, всё видно!

Стоит у воды летчик и машет Сереже рукой, а за спиною держит пистолет.

Подплывет ведь Сережа, подплывет под пулю! Кого ему бояться в этих местах? Думает, конечно, что это наш человек.

Близко Сережа, но не успеть мне добежать. За шумом прибоя гóлоса он не услышит. Ну хотя бы перестал грести и разок обернулся! И где же Костров?

Летчик приготавливает пистолет. Враг целится в Сережу. Надо мне раньше его стрелять. Беру на мушку, и только мне дожать спусковой крючок, — Тихон из-за камня прыгнул летчику на спину.

Ух, как гора с плеч!

Обернулся Сережа и видит вместо одного человека троих.

— Я думал, это свой! Вон где был, когда он мне махал, — оправдывался мальчик.

— Ничего, Сережа, счастливо обошлось, — успокаиваю я. Лодчонку его, чтобы ее не разбило о камни и не поцарапало, я поднял из воды и положил на песок, за валунами, куда волны не доставали.

— Как увидел я, что ты целишься, ну, думаю, не успеть! А надо пленного живым взять, — говорит Тихон, тяжело дыша.

Пленный молчит. Мрачный и злой. Видать, ас с характером. Тихон смотрит на него и спрашивает меня:

— Зачем этому стервятнику лодка? Куда он хотел плыть? Что было у него на уме? Ну, ничего, — нам не сказал, так в штабе скажет.

Пленный оживился:

— Я, я. Штаб идти быстро, холодно... очень важные сведения...

— Ну, Сережа, ты теперь плыви домой, — говорю я, — и приходи к нам на лыжах. Я пойду на базу и тебя с собой возьму. Ладно? А сейчас нам пора идти.

— Ладно, — соглашается Сережа и смотрит на бухту. Видно, ему хочется вместе с нами конвоировать пленного.

— Вон косатка идет, — показал Сережа на бурунчик от плавника. — Ой! Нет, не косатка!

Бурунчик вскипел по прямой линии и исчез, а плавник превратился в столбик и все выше и выше вылезает из воды.

— Перископ! Все понятно! Успел радировать, — крикнул Тихон и шепчет: — Прячьтесь, скорее прячьтесь!

И повалил пленного на землю.

— Важная птица, раз за тобою подводная лодка пришла. Понятно, зачем тебе был нужен Сережкин тузик.

А «птица» наша зашипела змеей. Ясно теперь, почему он так торопился в штаб, — хотел увести нас с берега.

— Лежи, лежи! А то... — показал Тихон приклад винтовки. — Ну какая же досада! Уйдут! Братцы, неужели уйдут?..

— А пусть он машет им, как мне махал! — сказал Сережа.

— Верно. Молодец! — похвалил Тихон и говорит мне: — Давай, живо, действуй со связью!

Меня сразу на берегу заметят, возникнут у них подозрения. Неизвестно, что еще здесь случится... две винтовки лучше, чем одна, — соображаю я и в сторонке шепчу Сереже:

— Сережа, ползи между камней, так, чтобы тебя не видно было. За бугорком встанешь и по моему следу беги прямо к телефонной линии. Бегом! Бегом! Там телефон. Бери трубку и кричи: «Все! Все! Все! Лодка подводная в губе Огуречной. Лодка подводная в губе Огуречной. Все! Все!» Понял?

— Понял, — выдохнул Сережа в ответ, сразу юркнул за камень и исчез.

За перископом показались бока лодки, и вся она всплыла наружу. Открылся люк, и на палубу вышли люди. Один с биноклем осматривает берег.

— Ну, вставай и махни им. Если крикнешь что-нибудь, — сразу приколю.

Пленный отлично понимает Тихона, но вставать не хочет.

Торгуемся мы, время тянется, а лодка того и гляди уйдет. Мне надоело, и я предлагаю:

— Давай я сдеру с него комбинезон, переоденусь и выйду к ним навстречу!

Только я сказал, пленный вскочил и замахал руками.

— Смотри, смотри, заметили, — шепчет Тихон.

На лодке засуетились, из люка выдернули какой-то сверток. Зашипел баллон, и сверток превратился в надувную резиновую лодку. В нее сели двое и плывут к нам. Тот, с биноклем, смотрит по сторонам, а эти приближаются.

Не найди мы с Тихоном летчика, — эти спасли бы его. Но долго ли нам удастся разыгрывать комедию? Никогда еще я так не волновался.

Тихон тоже волнуется, а резиновая лодка все ближе и ближе. Один фашист гребет алюминиевыми веслами, другой сидит с автоматом. А летчик совсем к воде подошел, и остановить нам его нельзя, чтобы не выдать себя раньше времени.

Тихон держал его на мушке, а потом и винтовку положил, чтобы ствол случайно не блеснул на солнце.

Где же Сережа? Успел ли добежать?

Только я подумал так, летчик крикнул своим и прыгнул в воду.

Те, на резиновой лодке, растерялись: удирать им обратно или вытаскивать летчика?

— Стрелять надо!

— Пускай поплавает, — отвечает Тихон и бьет из винтовки раз, другой. В ответ рассыпается по камням автоматная очередь.

Тихон стреляет в третий раз. Мажет? Ага, понимаю! Пули дырявят резиновые баллоны, и те, выпуская воздух, обмякли, как тряпки. Все трое фашистов в воде и вопят истошными голосами. На лодке тревога. Поняли, в чем дело, и готовятся к погружению, оставляя нам этих.

Захлопнулся люк. Больше прятаться нечего, и я, для своего удовольствия, стреляю в лодку. Она движется

сначала медленно, потом быстрее, вот начинает уходить в глубину ее темное тело, оставляя пузырчатый след.

Но вот и наши!

С берега летит звено самолетов, а с моря врывается в бухту рев мощных дизелей больших охотников.

Бомбы ложатся точно. Взрывы переворачивают воду до самого дна.

Самолеты, как говорится, забросали бухту. Но им не нужно больше тратить бомб: вместе с оглушенной треской всплыли обломки, на поверхности воды разошлись маслянистые пятна соляра.

Завтра сюда придут водолазы, а сейчас мы на Сережином тузике вылавливаем пленных.

Тихон уехал на катере, и Сережу забрали вместе с тузиком. Только мне пришлось снимать аппарат и одному шагать домой. Зато я первый сообщил результаты бомбежки и принимал поздравления от всех телефонисток.

Сережу награждали вместе с нами. Он попросил, чтобы его сфотографировали и послали карточку отцу на фронт.

ПРИЕЗД УЧИТЕЛЯ

Оленьи упряжки бежали гуськом. Первой правил каюр¹, вторая была привязана сзади. На ящиках сидел пассажир.

Бока оленей тяжело вздымались, багровые языки высовывались, глаза покраснели, олени на бегу хватили снег.

Каюр дернул за веревку, привязанную к рогам головного оленя, — упряжка остановилась. Головной олень лег. Вторая упряжка уткнулась в передние сани.

— Пускай олень ягель кушает, устал ведь. А нам курить ведь надо, — сказал человек в малице² и сел на снег. Сел по-домашнему, так что вся бескрайняя тундра для него подстелилась пуховой периной.

Пассажир слез с саней. Он прыгал, хлопая руками по бокам, морщился от колючего снега, когда случалось обернуться лицом к ветру.

Одетый по-городскому, укутанный поверх шубы и

¹ Ка ю р — погонщик оленей.

² М а л и ц а — меховая одежда.

шапки одеялом и платками, он мерз. Кругом поддувало, хотя много было накручено одежек. Ноги в громоздких тяжелых валенках коченели.

Между тем оленевод откинул капюшон малицы; его курчавыми волосами играл ветер, а сам он, стряхнув рукавицы, бережно расправил газету и оторвал клочек для папиросы.

Олени с жадностью хватали снег. Утолив жажду, они начинали яростно разбивать копытами наст и тереть ягель.

Укутанный до самого кончика остренького носа и лохматых бровей пассажир ехал учительствовать в далекий приокеанский поселок, где черпают из моря серебристую треску, ловят жирную тяжеловесную, как ртуть, семгу и добывают дорогие шкурки песцов.

— Мефодий, далеко так можно уехать? — спросил Василий Николаевич, глядя по ветру на север.

— А кто знает! Нынче не бывал. До конца земли, наверное, можно. Можно и дальше, — отвечал каюр.

— Ну, дальше морем не поедешь.

— Морем, так можно собаками ехать. Оленям корму нет... Не по воде ведь ехать. Краем моря много гор высоких... море до верхних гор льдом поднялось.

Для учителя все стороны света затянулись одинаковой снежной кисеей; он огляделся и спросил:

— Ну, а как дорогу узнать, в которую сторону ехать надо?

— Какая дорога? Олень везде бежит! Ему и так дорога, и так дорога, — ответил каюр, перекрестив горизонт взмахами руки. — Куда хочешь бежи. Смотри, снег как твердо лежит!

Раздавлив в руке комок снега, он выпустил сухую снежную крупу по ветру.

— А вдруг кругом будешь ездить и никуда не приедешь?

— Бывает, кругом ездят. День ездят, другой ездят — пурга, значит. Человек не знает, как дорогу направить. В пургу спать нужно. Сейчас хорошо дорогу видно. Щель на небе светлую видишь? Ветер дует — все дорогу показывают. Когда совсем не видно ничего, я дорогу ногой узнаю. Куда надо, туда ведь приедем. Едем, едем — опять дорогу смотрю: правильно олень бежит, не виноват ведь он.

Незаметно опускались сумерки. Сначала такие же белесые, как прошедший без солнца день, только мутнее, пасмурнее. Потом в одном краю небо почернело, и эта чернота разливалась все шире и шире, зажигая и тут же гася звезды и не трогая мерцающие по равнинам снега, которые теперь как бы сами освещали мутный воздух над головою.

— Мефодий, у меня даже зубы замерзли. Поедем. Смотри, олени лежат, есть им нечего. Доедем, — сами покушаем...

— Олень плохо дышал. Много ехали — пускай отдохнет. В тундре холодно, так олень виноват, что ли? Далеко ехать еще. К утру приедешь, так ладно. Снегу-холоду боишься, комаров боишься. Зачем в тундру едешь? Зачем к морю в поселок Боевой едешь?

— Так учитель я. Грамоте ребятишек учить надо...

— Учитель! А я думал, так просто... начальник. Ребятишек грамоте научишь, так они не дадут тебя комарам-то... Гей-гей! Вставай, ленивый, ехать надо, — кричал он на лежавших оленей. Мигом расправив перевившиеся постромки, дико гикнув, Мефодий на ходу вскочил на сани и своим длинным хореем¹ зашуровал рогатую упряжку, словно головешки в печи.

Впереди ровный спуск. Внезапно склон перешел в крутой берег глубокого оврага. Учитель с ужасом увидел, что сани неудержимо несутся под гору; олени падают, упавшие волочатся за упряжкой, потом вскакивают на ноги, чтобы самим тянуть других; на сани налезает жарко дышащие морды; и все это свалилось кубарем в пучину рыхлого снега на дне оврага. Снаружи виднелись только рога оленей, но через секунду Василий Николаевич почувствовал, как нарты ускользают из-под него: олени, цепляясь разлатыми копытами, карабкались по наветренному плотному склону оврага.

— Испугался ведь. Олень тоже боится. Да ехать надо. Тебе нарты не сдержат, чтобы тихонько съехать. Как быть? Скажи оленю, олень не понимает. Так ладно ведь, так хорошо побежит, а снег внизу мягкий, не ушибешься, — утешал Мефодий, вновь остановив упряжку для передышки.

¹ Хорей — шест, употребляемый при езде на оленях.

Мгла как будто не смела опуститься на землю и затопить гору, на которой они стояли.

Заиграли сполохи на небе, потом картина резко изменилась. Всё ярче разгораясь, всколыхнулся светонесный занавес. Иглы неведомых прожекторов метнулись по небу.

Мефодий закричал. Обходя вокруг саней, он кричал во всё горло.

— Зачем кричишь?

— Чтобы сюда пришел...

Василий Николаевич посмотрел на небо, думая, что Мефодий привораживает сияние, и только после того, как тот крикнул раз двадцать, учитель услышал слабый ответный крик в тундре и увидел приближающуюся точку.

— Нинка едет, — сказал Мефодий присмотревшись.

— О-хой, гой! гой! гой! — все еще кричал маленький человек, остановив упряжку и не обращая внимания на Мефодия и учителя.

— Много потерял? — спросил Мефодий.

— Пятнадцать следов.

— Чего она кричит? Ведь приехала, — спросил учитель.

— Волки оленей угнали. Нинка оленей ищет. Колхозный олень на крик к человеку бежит: страшно ведь ему без человека в тундре.

— След мелкий, дикие собаки угнали.

— Дикие собаки? — переспросил Василий Николаевич. — Диких собак не бывает.

— Бывают ведь, вот видишь, — подтвердил Мефодий.

— Нигде о них не сказано. Я книги читал. Я учитель.

— Учитель, а не знаешь, как собаки дичают и стаей ходят.

— Тебя Нинкой зовут, слышал я. Сколько тебе лет?

— Четырнадцать.

— Так вот, Нинка, если бы ты была мальчишкой...

— Я и так хозяйин. У меня только мать да сестренка, мужиков-то больше нету.

Крутя черноволосой головой с подрезанной над бровями челкой, Нинка смеялся, а Мефодий объяснил, что мать назвала его Нинкой, как ей хотелось, и все

привыкли звать так, сначала и не знали, девчонка это или мальчишка.

— Ну, а буквы ты знаешь? Это какая буква? — начертил Василий Николаевич на снегу.

— Не знаю.

— Учить ребят я буду.

— Ой, научи, пожалуйста!

— В школу приезжай.

— А это кто шел? — показал Нинка на снег. — Песец шел, — ответил Нинка за учителя. — Ну, искать оленей надо.

— Где искать ночью? И следы замело, — возразил Василий Николаевич, вновь почувствовав озноб.

— Так искать надо, — уверенно махнул рукою Нинка. — Олень бежит против ветра, чтобы чутьем слышать далеко. Песец в другую сторону бежал: стая гнала оленей, а он тоже их боится, поди.

Поехали вместе. Одного за другим нашли пять растерзанных оленей и одного еще живого, со сломанной ногой.

Шкуры и мясо задранных оленей бросили в тундре, а головы и ноги Нинка бережно собрал: из прочной шкуры будут шить обувь.

— С этими оленями стая задержалась, другие далеко убежали, целы ведь будут, — сказал Нинка.

— Может быть, и тех догонят волки, — сказал учитель.

— Нет. Видишь вот, безногий цел остался, тут ведь он близко был, — ответил Нинка.

Поглядывая на Василия Николаевича, Нинка крутил головой и усмехался, не понимая, — почему учитель отказался есть дымящуюся кровью почку только что зарезанного оленя.

Нинка сначала даже обиделся, но потом ему стало жаль учителя. Отдав Василию Николаевичу свой совик¹, он наказал Мефодию, чтобы тот поскорее вез учителя в становище, и один уехал на поиски остальных оленей.

— Теперь недалеко тут, — говорил Мефодий. — Река будет, вдоль реки поедем, потом через реку передем, — тут и совсем рядом. Правда ведь. Поди, теперь теплее тебе?

¹ С о в и к — оленья шуба мехом наружу.

Василию Николаевичу в Нинкином совике было уютнее, накрученную одежду, казалось, ядром не прошибить, и сам он с трудом мог пошевелиться.

Глаза слипались, голова то и дело клонилась набок, и Василий Николаевич прилагал большие усилия, чтобы не заснуть окончательно и не свалиться с саней. Порою он открывал глаза и соображал:

«Берег видно крутой, — это река... где-нибудь спустимся на лед, а там скоро, скоро...»

Внезапно Мефодий закричал. Учителю почудился шум сползающего снега. Сбоку, как лезвие огромного ножа, сверкнула кромка обнаженного льда.

— Дальше падай! — крикнул Мефодий и столкнул Василия Николаевича с саней.

Тут же сани навалились на Мефодия, и все кувырком в снежной лавине понеслось под гору. Мелькнули олени, сани, и снег залепил учителю глаза.

* * *

Нинка вернулся глубокой ночью, зашел к председателю колхоза, осмотрелся и задал вопрос:

— Где учитель?

— Не знаю, — ответил председатель и в свою очередь спросил:

— Сколько оленей потеряли?

— Шесть, — ответил Нинка и опять спросил:

— Где учитель?

— Какой учитель?

— Мефодий, поди, вез учителя в школу. За старым пастбищем я их встретил. Еще вместе с Мефодием искать ехали, потом я один поехал, Мефодий сюда повез. Не смотришь, где учитель. Ты большой, так все равно тебе, а нам, маленьким, учиться надо.

— Почему все равно? Не все равно вовсе. Только не видал я. Поди, в стадо заехали. Хитрый Мефодий чай пьет, свежую оленину ест. Не маленький, приедет ведь. В тундре не потеряется.

Нинке самому хотелось заехать на пастбище оленей. Соблазн был велик, но, подумав, он твердо сказал председателю:

— Нет, беда это. Мефодий в стадо не заехал. Не говорил так, — значит, не будет так делать. Учитель замерз, он его прямо сюда вез. Беда это, искать надо.

— Надо искать, — забеспокоился председатель, — долго не едет, не зря это. Надо людей посылать.

— Сам поеду, — сказал Нинка, — позволь только в стаде свежую упряжку взять.

— Бери. Пускай еще человек едет. Где последний раз видел, от этого места искать будете. По обеим сторонам ищите, — сказал председатель и неожиданно спросил:

— Велик ли учитель?

Нинка показал рукою чуть выше своей головы и любопытствовал:

— Зачем спросил?

— Поди, одежду теплую ему надо сшить.

— Тогда шей чуть побольше, — сказал Нинка и уехал.

Сани порой летели по воздуху, а потом прыгали с кочки на кочку и так бились о неровности, что непривычный человек боялся бы за свои почки и печеньку.

Утром по земле мело. За окном пражления колхоза в снежных вихрях «заряда» ныряла гора. Когда прояснялось, тогда было видно, как высока гора; над нею вырисовывалось небо, и снова всё исчезало в налете пурги.

Председатель волновался. Невысокий, но очень пушистый в своих мехах, он подолгу стоял на улице и глядел за реку в испещренный летящими снежинками воздух.

Скованного дремотой, не понимающего, день сейчас или ночь, скрюченного от холода и неудобного сидения на нартах Василия Николаевича Нинка привез в колхоз. Когда зашли в теплую избу, он похлопал учителя по плечу:

— Веселый ты человек, с тобой хорошо будет. Сейчас спи, потом председатель чай пить зовет. А после в школу поедет, я тебя, учитель, повезу.

Возле вторых саней сгрудился народ. Мефодий с вывихнутой ногой оправдывался:

— Хорошо ведь ехали, вот уже над рекой ехали, не сами упали, — снег оборвался. Берег крутой, падать далеко пришлось. Сани о камни совсем разбились, олени которые тоже ноги поломали. Что делать? Идти не могу, а куда он пойдет? Ждать надо, — Нинка скоро приедет, искать сразу же будут. Холодно, так я учителя

в снег закопал. мех постелил, мехом укрыл. Шкур много, так мягко ведь. Сверху снегом засыпал. Не ушибся ведь, так лежи спокойно, спи. Тепло ведь там.

Как только выходила хозяйка из маленького домика, к ней подбегали ребяташки.

— Спит учитель, — отвечала она.

Председатель из сеней тихонько приоткрыл двери в избушку, и на него женщина замахала рукой: «Спит!»

— Хорошо ли спит?

— Хорошо, хорошо!

Наконец Василий Николаевич проснулся; пришел председатель, и через два часа, когда чаепитие было в разгаре, — только начинали пить шестой самовар, — принесли малицу, меховые чулки — липты, пимы и волт — пимы, что в сильные морозы надевают на обыкновенные пимы.

Взмокший от пота Василий Николаевич посмотрел на два мешка, доходившие ему до пояса, и блаженно улыбнулся.

Нагруженный мехами, он вышел из домишки, укутанного в снег по самую трубу, и увидел, что на утоптанной площадке кружком сидят ребяташки, и большие, и маленькие, и даже совсем крошечные, похожие в своей одежде на меховые колобки. Тут же был Нинка.

— Учитель, ребята пришли тебя смотреть, — сказал Нинка.

— Так почему в дом не зашли?

— Много нас, дом маленький, и ведь старшие там. Вот в школу придем, которую моряки построили.

— Буквы покажи, учитель.

— Классной доски нет. На чем писать? Бумаги и карандашей нет. . .

— На снегу пиши, как Нинке писал.

Так Василий Николаевич начал свой первый урок.

— Хо! хо! — раздался крик каюра, и на площадку перед правлением колхоза вылетела упряжка оленей.

К председателю колхоза подошел приезжий моряк с полевой сумкой, одетый в белый полушубок и черную шапку с эмблемой. За приездом двигался каюр.

— Олени больше бежать не могут, нужно другую упряжку, далеко ведь ездили, председатель, — сказал каюр, пока военный здоровался с председателем.

— Правильно. . . Будут свежие олени, отдыхайте немножко. Скоро из стада пригонят.

— А эти разве устали? — спросил моряк, показав на свежую упряжку, украшенную ленточками и ошейниками из красного сукна.

— Эту никак нельзя, Иваныч, — ответил смущенный председатель, — Мефодий ногу себе вывихнул, ходить не может, сейчас другой пойдет. Кабы не эта беда, были бы олени в запасе.

— Мефодия к нам в госпиталь вези, доктор лечить будет. Только учти, — мне скоро надо ехать. Мефодий не может, — Нинка пускай везет. . . Ай, ай, Копылов! Сам предложил обслуживать базу: кино на дальние точки возить, почту возить. Говорил, — задержки никогда не будет, а вот и задержка. . . опоздаю я.

— Слушай, Иваныч, скоро олени придут. Эту никак нельзя. Нинка учителя везет. Вот он, — показал мгновенно вспотевший председатель.

— Мичман Лукошин, — представился Архип Иванович, козырнув Василию Николаевичу.

— Далеко ли изволите ехать? — осведомился Василий Николаевич, немного смущенный тем, что из-за него такой переполох.

— К поселку Боевому, — ответил Архип Иванович.

— Так вместе поедем, — предложил Василий Николаевич.

— Ой, хорошо! — воскликнул Нинка. Он любил ездить с Архипом Ивановичем, — с ним и пушки можно посмотреть, а тут повезет сразу Иваныча и учителя. Василий Николаевич был готов в дорогу, и выехали сразу. Нинка пел песню и гнал оленей прямо на вершину маленькой горушки.

— Возьми правее, а то на зенитки наедешь, — сказал Архип Иванович, когда можно было уже различать на горушке снежные бугры.

— Давай еще вправо! — вновь сказал Архип Иванович, когда миновали горушку.

— Ой! Окоп рыли, говорили, только дорóгой езд. . . Нельзя больше туда поворачивать, — забеспокоился Нинка.

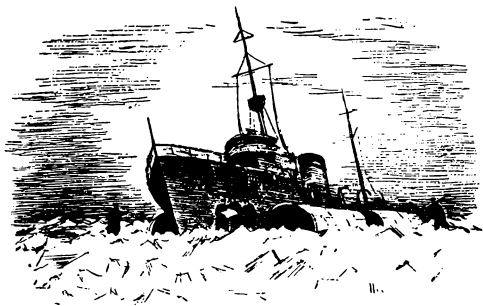
— Поезжай, мне нужно. Я там останусь и потом на лыжах дойду, а вы по дороге уедете на базу, — сказал Архип Иванович Нинке и объяснил Василию Никола-

евичу: — Это, верно, окопы. Вы в будущем лучше всего придерживайтесь дорог. Раньше, когда жили на «пяточке», все наше хозяйство можно было накрыть одной бомбой. А теперь для захвата базы противник должен высадить большой десант. На этот случай имеется береговая оборона, так что если полезут, то уколются...

Архип Иванович слез возле дзота, а учителя Нинка лихих подвез к самому крыльцу школы.

На другой день в школу пришел Сережа — пока единственный мальчик в поселке. А в полдень прибыла целая вереница упряжек с ребятами из тундры, и у крыльца школы вырос лес оленьих рогов.

ЛЕДЯНОЙ ДОК

Стаценко был недоволен, хмурились и остальные водолазы.

Они сделали все, что могли: достали тральщик с глубины ста метров, привели его к берегу. И вот теперь он стоит в узкой бухточке, приподняв один борт выше другого. Его палуба чуть возвышается над водою; в трюме вода, проникшая через пробоины.

Чтобы отремонтировать корпус корабля, нужно завести его в сухой док. В базе дока не было, такая постройка — настолько серьезная задача, что об этом даже Архип Иванович не мечтал, хотя уж он-то был горазд на всякие выдумки.

Тут были плавучие мастерские, но в них можно отремонтировать отдельные части судового котла и машины. А для ремонта корпуса тральщик нужно четверо суток буксировать в ближайший порт.

Это расстояние корабли проходят с боем. В море нападают подводные лодки и самолеты, возможна встре-

ча с крейсером противника. Нужно буксирное судно, нужно и конвойную охрану для этого каравана. Кроме того, на море начались осенние штормы. По всему видно, придется тральщику ржаветь до лучших времен в узенькой бухточке с понтонами по бортам и трубой, склоненной набок.

Пришли морозы, льдом стал покрываться рейд. То ветер и волны сломают тонкий лед и нагонят, нагромядут торосы в каком-нибудь углу залива, то опять рейд ровно застынет. Однажды во время отлива на малой воде так прихватило морозом, что никакая буря уже не могла сломать ледяной покров.

Около плавучих мастерских остался на зимовку другой тральщик. Этому нужен был небольшой ремонт машин, а плавал он благополучно. Его приготовили к зимовке, утеплив дощатой обшивкой палубные надстройки и трюм. Стоял он в этой одежде, как в шубе, и потихоньку дымил, отапливаясь от своего котла.

Так вмерзли в лед два тральщика. Один утепленный и даже замаскированный Бордюжей, другой заброшенный, почерневший.

Жившие в кубриках матросы протоптали на льду тропинки к своему тральщику, — к другому никто не ходил.

В гостеприимном кубрике, вспоминая былые походы и товарищей, часто засниживался Сверлов. Он-то и завел однажды речь:

— Что ж, друзья, придет весна, и уйдете вы своим ходом, а этот тралец так и будет на боку лежать. Корабль бывалый, имеет свои боевые заслуги...

— Да, не повезло им, — прогудел низким голосом боцман Иванов.

— Из команды я трех человек в базе видел, остальных расписали по кораблям, опять купаться пошли, — сказал в глубине кубрика молодой матрос Завьялов.

На этом разговор мог заглухнуть, если бы Сверлов не начал снова:

— Во всяком деле важно оттолкнуться от мертвой точки. Механизмы тральщика целы, только в корпусе пробоины. Это и есть его мертвые точки. Заварить их — и все придет в порядок. На такой «коробочке» я с удовольствием ушел бы в море, да и многие об этом мечтают...

— Приподнять бы его, — сказал Завьялов.

— За малым дело, — проворчал Иванов.

Сверлов заметил в глазах матросов интерес к тральщику и рассказал:

— Мороз и ветер, когда перед ними оробеешь, — враги, а когда их не боишься, так будут помощниками.

Он напомнил, что еще старинный кормщик Федот Рахманинов не раз зимовал в этих краях и в зимовке ремонтировал судно.

— Значит, вымораживать хочешь? Это дело! — крикнул Завьялов.

— Как командование на это посмотрит, — раздумывал боцман.

— Ничего, важно начать. А когда дело будет убеждать, — тут все пойдут навстречу. Какому командиру интересно, чтобы его корабли лежали на боку? — вступил в разговор Козлов, тосковавший по морю вместе со Сверловым.

На следующий день Сверлов привел к заброшенному тральщику Стаценко; к ним подошли матросы с пешнями.

Водолаз достал из кармана записную книжку, там был нарисован силуэт тральщика и помечены две пробоины: одна — в корме, другая — в носовой части корпуса.

Стаценко отмерил расстояние, и матросы принялись скалывать лед. Сначала долбили пешнями, потом взяли топоры, но работали очень осторожно.

— Интересно, — зачем это делается? — спросил проходивший по льду Архип Иванович.

— Через неделю яснее будет; пока сами не знаем, как пойдет дело, — ответил ему Иванов.

Сколоть верхний слой льда было легко. Ничего не стоило несколькими ударами прорубить сквозную прорубь, но как раз этого больше всего боялись Иванов и Сверлов. Надо было аккуратно срубить верхний слой льда, не повредив оставленной снизу тонкой ледяной пленки. Эта пленка не даст воде проникнуть в вырубленную яму, а сама под влиянием мороза утолстится, и тут замерзнет лед такой же толщины, как на остальном рейде.

Работали всего час-два, но такая операция повторялась каждый день.

По утрам Сверлов прибегал к тральщику, рукавицей сметал снег, вглядывался в обколотый лед и говорил, сколько можно срубить сегодня.

Морозы крепчали, работать было не так легко, но все матросы мечтали о счастливом дне, когда морозец завернет еще сильнее.

Постепенно у борта корабля во льду начали образовываться чаши. Когда Архип Иванович пришел в следующий раз, — он удивился: «Лед на заливе толщиной в метр, ну в полтора метра, а возле тральщика такие ямы, что человека скрывают, и еще там на дне кто-то рубит лед».

— Э-э, да вы так скоро обсушите его, — сказал он.

— В том-то и дело, — отозвался боцман, — мы сверху срубаем, а снизу мороз нам наращивает лед.

Завьялову хотелось скорее углубиться и казалось, что для этого проще всего рубить колодец с вертикальными стенками, а старшие заставляли захватывать шире и углублению все время придавать форму опрокинутого книзу свода.

— Для чего это? — спрашивал он.

— Для прочности, — отвечал боцман, — чтобы лед мог держать напор воды.

— Ну, не все равно, какая форма! Только работу лишнюю делаем.

— Вот и не все равно, — подтвердил Сверлов, — ты встанешь на ящик, — доски под тобою прогнутся, а встань на бочку — ничего. Еще пятерых таких можно поставить, а доски такие же точно. Почему это? А потому, что в бочке стенка работает как свод. Вот какое различие.

Спустились к пробойне. Под тонким льдом можно было рассмотреть ее темный провал.

Немного дальше отступили от борта тральщика, рассчитывая создать на корпусе ледяные заплаты. А против дыр совсем перестали вырубать лед, чтобы тут получились подпорные стенки.

— Рваные края пробойны своими завитками здорово вмерзают в лед и хорошо будут держать наш морозный пластырь, — сказал Сверлов Стаценко. — Но вот мы заварим пробойны, снимем понтоны, обрубим лед вокруг корабля, а он, вместо того, чтобы выпрямиться, вдруг пойдет книзу.

— Перед тем нужно сделать пробную откачку; если вода не будет прибывать, — значит, всюду обшивка цела и понтоны можно снимать, — ответил Стаценко. Так и решили делать в дальнейшем, но получилось все по-другому.

Когда против обеих пробоин образовались глубокие ледяные ямы и лед достаточно утолстился внизу, — срубили подпорные стенки.

Завьялову хотелось красивее обтесать заплатку, и он долго с нею возился.

«Такая пробка что хочешь выдержит», — сказал сам себе Завьялов и стукнул обухом топора.

Внезапно ледяной пластырь треснул, отскочил кусок льда, и в созданную с таким трудом яму полилась вода из трюма.

Завьялов побледнел и подскочил к трещине. Перепуганный насмерть, он плечом и спиной зажимал дыру и кричал во все горло:

— Эй-эй! Помогите! Беда!

Вода била фонтаном, заливалась ему за воротник, накапливалась на дне ямы и хлюпала под ногами.

На краю ямы показался боцман Иванов. С кормы бежали другие матросы.

— Та-ак! — сказал боцман. — Можно привести много примеров, когда герой матрос закрывал своим телом пробоину в корпусе, чтобы корабль не затонул, но чтобы матрос так самоотверженно затыкал фонтан воды, бьющий из корабля, — случай единичный. Смотрите, друзья, по закону сообщающихся сосудов, вода в яме достигнет того же уровня, что в трюмах.

Спокойствие боцмана ошеломило Завьялова. Он стоял мокрый, с трясущимися руками, не понимая, почему никто ему не помогает.

— Вылезай оттуда, иди сушиться! — крикнул боцман.

«Ну, теперь все! Старался я, старался, а как спишут на берег... Не придется послужить на корабле...» — думал молодой матрос.

— Пробки мы только завтра хотели снимать, а теперь пробную откачку придется вести из этой ямы, — сказал Сверлов.

Начали качать. Когда уровень воды в трюме опустился ниже пробоины, за работу взялись сварщики из плавучих мастерских. Они обрезали зазубрины в

рваном железе, приварили новые листы обшивочной стали.

Боцман Иванов следил за работой и просил об одном:

— Не расплавьте лед, а то снова устроите в этой яме ванну, от которой нам уже не избавиться.

Работу заканчивали авралом. Теперь не пять человек тюкали по льду топориками вокруг ржавого корпуса — матросы окружили тральщик сплошной цепочкой и разом весело рубили лед насквозь, до самой воды. Освобожденные понтоны снимали и оттащивали в сторону по льду; из трюма откачивали остатки воды.

— Эй, подымайся, «Бывалый»! — кричали тральщику молодые ребята.

Завьялов был на палубе, когда дрогнул корабль, зашуршал лед вдоль бортов и тральщик «Бывалый», словно вздохнув, повернулся и выпрямился.

На бортах у него висел примерзший снег и куски льда. Он поднял с собою один из понтонов, который не успели отвязать. Все это было следами недавнего бедствия тральщика, но в нем уже чувствовалась сила корабля.

— Ура-а! — кричал Завьялов, размахивая шапкой, и по всему заливу во все стороны разнеслось матросское «ура».

Маляр Козлов, отложив пешню, взялся за кисть и для начала выкрасил трубу, теперь гордо поднятую к небу.

Очистили палубу и борта, спустились в трюмы и лопатами выгребали ил, ракушки и морские звезды.

От клотика¹ до киля² началась чистка. Маляр Козлов переходил из кубрика в кубрик, из отсека в отсек — всюду, где убирали грязь и ржавчину, он завершал дело своею кистью.

Повсюду шла кипучая работа. Из машинного отделения потянуло теплым воздухом с запахом масла.

На тральщике «Бывалом» вновь был заведен судовой журнал и сформирована команда, в которую зачислили и Сверлова, и Козлова, и нескольких молодых матросов, не чаявших попасть на корабль.

Вокруг палубных надстроек «Бывалого» появились тепляки из свежих досок, такие же, как у соседнего

¹ Клотик — деревянный грибок, завершающий мачту.

² Киль — самая нижняя часть корабля.

тральщика. И не так уж много времени прошло, как над трубою у него появился дымок от собственного котла, совершенно такой же, как у соседнего корабля.

... Снова пришла весна; солнце растопило лед; открылось синее море; ожили птички «базары»; к берегам подошли неисчислимые косяки рыбы. К тому времени кончилась война, и Архип Иванович уезжал домой.

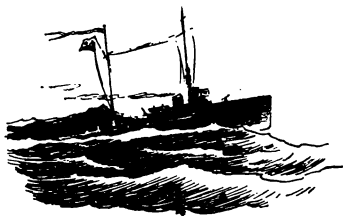
Его пришли проводить друзья. Тут были Бордюжа, и Сережа, и Нинка, которого в оленеводческом колхозе теперь звали Никитой Степановичем. Пришли другие ребята.

У пирса стоял корабль — тральщик «Бывалый», готовый к отходу.

Архип Иванович поднялся по трапу и стал у борта. Спускался вечер, и на берегу вспыхнули сотни электрических огней.

«Да, — подумал Архип Иванович, — раньше тут были холодные черные скалы, а теперь вырос настоящий городок. Уеду я, уедут другие, а поселок Боевой останется жить мирной жизнью. К этому пирсу будут подходить промысловые тральщики, наши боевые друзья и вечные пахари моря».

Корабль отошел, а Сережка и Нинка долго стояли на пирсе и смотрели вслед «Бывалому», в ту сторону, куда они скоро поедут учиться.

Содержание

Обыкновенное начало	5
Боевое крещение	16
Салют Первого мая	23
Рейс Архипа Ивановича	32
Бой аса с поросятами	39
Спасенный лес	43
Рыбацкая самодеятельность	65
Тузик	75
Приезд учителя	92
Ледяной док	102

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных вами книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

Укажите свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу: Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги издательства «Детская литература».

Для среднего возраста

НИКУЛИН

Георгий Анатольевич

РАССКАЗЫ СТАРШИНЫ ФЛОТА

Ответственный редактор
Г. В. Антонова.

Художественный редактор
Ю. Н. Киселев.

Технический редактор
Т. Д. Раткевич.

Корректоры
Л. К. Маляко и Г. М. Шукан.

Подписано к набору 6/XI 1969 г. Подписано к печати 9/III 1970 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 2. Печ. л. 3.5. Усл. печ. л. 5,88. Уч.-изд. л. 5,43. Тираж 50 000 экз. ТП 1970 № 327. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Заказ № 701. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Цена 26 коп.

**ЧИТАЙТЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“**

**КАПИЦА П.
В ОТКРЫТОМ МОРЕ**

*Повести и рассказы
Рис. Н. Кочергина
Л., 1965, 384 стр.*

**КЛИМЕНЧЕНКО Ю.
ИСТИННЫЙ КУРС**

*Повесть
Рис. В. Скрябина
Л., 1958, 288 стр.*

**КОЛБАСЬЕВ С.
САЛАЗОНОК**
Л., 1960, 118 стр.

**КОНЕЦКИЙ В.
ЕСЛИ ПОЗОВЕТ ТОВАРИЩ**

*Рассказы
Рис. В. Ветрогонского
Л., 1961, 168 стр.*

**ЛЕБЕДЕНКО А.
ВОССТАНИЕ НА «СВ. АННЕ»**

*Повесть
Рис. Н. Лямина
Л., 1961, 168 стр.*

МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ А.

БАЛТИЙЦЫ

Рассказы

Илл. Л. Гулаковой и А. Крутцова
Л., 1968, 110 стр.

ПАНОВ Н.

БОЦМАН С «ТУМАНА»

Рис. К. Туренко
М., 1957, 158 стр.

ПЕРВЕНЦЕВ А.

ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Рис. В. Ладыгина
М., 1966, 336 стр.

ПЛАТОВ Л.

СЕКРЕТНЫЙ ФАРВАТЕР

Роман

Рис. П. Павликова
М., 1967, 543 стр.

ТРЕНЕВ В.

СЕКРЕТНЫЙ ВОЯЖ

Исторические рассказы и повести
Рис. П. Павликова
М., 1968, 192 стр.

ЮНГА Е.

ВЫХОД В МОРЕ

Рис. Г. Акулова
М., 1959, 72 стр.

